

Талисман, или Ричард Львиное сердце в Палестине

Автор:

Вальтер Скотт

Талисман, или Ричард Львиное сердце в Палестине

Вальтер Скотт

«Талисман» – произведение выдающегося английского писателя В.Скотта (1771–1832) – является замечательным образцом исторического романа. Писатель ярко воссоздает средневековые нравы и обычаи того далекого времени.

Вальтер Скотт

Талисман, или Ричард Львиное Сердце в Палестине

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2011

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Факты, даты, цитаты

Вальтер Скотт о литературе и творчестве

...Когда я впервые понял, что обречен стать литератором, я приложил стоические усилия, дабы избавиться от той болезненной чувствительности – или, скажем прямо, тщеславия, – которая делает племя поэтов несчастным и смешным. Я всегда старался подавить в себе столь присущую поэтам жажду похвал и комплиментов.

* * *

Люди могут говорить и то и другое о наслаждении славою и выгодами как о побудительной причине писать; но я думаю, что тут главное удовольствие состоит в самом труде и изысканиях – без этого я так же мало стал бы писать, как охотиться только для того, чтобы есть суп из зайцев. Но если в то же время придут известность и деньги, то я буду ссориться с ними так же мало, как с супом из зайцев.

* * *

Я сам на себя досажую, когда хоть на минутку поддаюсь дурному настроению, и могу с чистой совестью сказать, что, при многих моих недостатках, дурной нрав едва ли относится к их числу.

* * *

Мне не даются героические фигуры в полном смысле слова, зато я питаю дурную слабость к сомнительным характерам разного рода обитателей Пограничья, пиратов, горных разбойников и других молодцов робин-гудовского склада.

* * *

...Если у меня и есть в чем-нибудь сноровка, так это в умении извлекать поразительный и интересный сюжет из множества скучных подробностей, и поэтому я нахожу столько приятного и поучительного в томах, слывающих скучными и неинтересными. Дайте мне факты, а воображения мне хватит своего...

* * *

Стоит мне взять в руку перо, как оно быстренько застрочит по бумаге. Порой меня подмывает выпустить его из пальцев, чтобы проверить, не начнет ли оно и помимо моей головы писать так же бойко, как с ее помощью, – заманчивая перспектива для читателя.

Вальтер Скотт глазами современников

А. Н. Паевская, «Вальтер Скотт. Его жизнь и литературная деятельность»

Во время пребывания в Эдинбурге шестилетнего Скотта видела приятельница его матери миссис Кокбурн; она описывает его как самого гениального ребенка, какого ей когда-либо приходилось видеть: «Он читал своей матери вслух стихи, когда я вошла. Я просила его продолжать. Это было описание кораблекрушения. Его волнение росло вместе с грозой. “Мачта упала! – восклицал он. – Вот ее унесло водою... они все погибли!” Весь взволнованный, он обращается ко мне, говоря: “Это слишком печально, я лучше почитаю вам что-нибудь повеселее”». По уходе дамы он сказал тетке, что миссис Кокбурн, которая о многом разговаривала с ним, такой же «виртуоз», как он сам. «Милый Вальтер, – отвечала тетка, – что же такое “виртуоз”?» – «Разве вы не знаете? Это человек, который желает все знать».

Иоганн Вольфганг фон Гете (1749–1832), немецкий поэт

Вальтер Скотт – великий талант, не имеющий себе равных, и, право же, неудивительно, что он производит такое впечатление на читающий мир. Он дает мне обильную пищу для размышлений, и в нем мне открывается совсем новое

искусство, имеющее свои собственные законы.

Аллан Каннингем (1784–1842), шотландский поэт и писатель, автор биографии Вальтера Скотта

Великий гений его едва равнялся доброте его сердца и великодушию характера, которые приобрели ему всеобщую любовь. [...] Никогда я не слышал, чтобы он говорил о ком дурно, и если ему случалось сказать острое слово, он тотчас спешил уменьшить действие его, приводя какую-нибудь похвальную черту. [...]

Он чрезвычайно любил рассматривать развалины и разговаривать со старыми людьми всякого состояния, особенно с пастухами. Он знал и мог описать все места сражений в Великобритании и Шотландии и посещал места действий лучших шотландских баллад.

Он не мог видеть равнодушно, когда вынимали хотя один камень из стены старого замка или пахали поле, славное в истории. Мне сказывали, что он только однажды был сильно рассержен – на какого-то духовного, который необдуманно велел стащить один из огромных старых камней, которые означают место трагического приключения, воспетого в печальной балладе. Вот что я узнал о его образе жизни, частью от него самого, частью от лиц, коротко его знавших. Он очень рано вставал, садился писать в 7 часов и, кроме нескольких минут для завтрака, продолжал это занятие до часу или двух. Тут он отдыхал, одевался и шел прогуливаться в сопровождении двух любимых собак, столь больших и сильных, что они могли бы задавить оленя. После нескольких часов прогулки он шел домой и принимал друзей, которых случай или приглашение заводили к нему. Таким образом он быстро подвигался в своих литературных занятиях; не чувствуя недостатка вдохновения, всегда, как находился в хорошем здоровье, он не имел надобности дожидаться посещения музы и каждый день писал более десяти печатных листов. Писал он быстро, не обдумывая и почти не поправляя написанного, и чем скорее он сочинял, тем лучше, ибо это было доказательством хорошего расположения.

Будучи первым сочинителем своего времени, он не любил принимать на себя наружности ученого человека и, выходя из кабинета, сбрасывал мантию поэта и надевал одежду сельского дворянина, знающего свет, ко всем внимательного и гостеприимного. Он гордился своим достоинством человека и никогда

дарованием поэта или историка и скорее желал, чтобы почитали в нем потомка древней фамилии и основателя Аббатсфорта, насадившего леса и сады его, нежели гения, которого творения имели сильное влияние на человеческий род и способствовали счастью миллиона его ближних. [...]

Он представляет такое разнообразие характеров, какого не найдешь у всех прочих романтиков вместе. Быстрота его рассказа, озаряющая подобно солнцу на возвышенностях и выпуклых местах ландшафта, ничего не значит в сравнении с его частными портретами. В них-то он является обильным и неистощимым, как природа, и все лица его кажутся созданными для того места, на которое он их поставил. Одним ударом кисти он дает им жизнь и вливает потом в них чувства, которые выводят их на действие. [...] Вальтер Скотт создал целый рой характеров, сильных душою и телом, говорящих языком, свойственным их состоянию, настоль различных один от другого, как плющ от репейника.

[...] У Вальтера Скотта все натурально; нигде не заметно работы, и, сверх того, о каждом предмете он говорит только половину того, что может сказать, между тем как большая часть сочинителей оборачивают предмет со всех сторон, пока он совсем истощится. Ни один гений не имел столь обширного, сильного влияния на свет, ни один, может быть, не соединял столько редких, столько почти божественных качеств и ни один не расточал их с такою щедростию для блага ближних, и не одни мы скажем это; творения Вальтер Скотта будут составлять утешение и прелесть будущих поколений до тех пор, пока солнце будет сиять на небе и вода струиться в ручьях.

Дж. Г. Байрон (1788–1824), английский поэт, в письме к издателю, 1 марта 1820 года

Умоляю, пришлите мне последние романы Вальтера Скотта. Как они называются? Кто их герои? Я читаю его старые вещи по крайней мере раз в день, по часу и более. [...] Что представляет из себя «Айвенго»? Как звучит название другого романа? Их действительно два? Умоляю, заставьте его писать две книги в год, не меньше. Я не знаю лучшего чтения.

* * *

Я все романы Вальтера Скотта читал не менее пятидесяти раз...

Альфонс де Ламартин (1790–1869), французский поэт и политический деятель

Жизнь и слава его не подвержены никакому упреку; потомству нечего будет извинять ему; отрок может безопасно развернуть его книгу, ибо не встретишь в ней слова, которое могло бы заронить ядовитое семя в чистую душу: ни одно его изображение не покроет краскою чела невинности; каждое семейство признает его своим другом и спокойно предоставляет книге его переходить из рук в руки в кругу домашнем...

Генрих Гейне (1797–1856), немецкий поэт, публицист и критик, «Письма из Берлина»

Превосходно чествовали здесь недавно Вальтера Скотта. На блестящем маскараде, устроенном на одном празднике, появилось большинство героев скоттовских романов в их характерном облике. Об этом празднике и об этих образах тоже говорят здесь целую неделю. Особенно носились с тем, что сын Вальтера Скотта, ныне находящийся здесь, выступал на этом празднике, одетый шотландским горцем, как того требует костюм, с голыми ногами, без штанов, лишь в переднике, доходящем до середины бедер.

Оноре де Бальзак (1799–1850), французский писатель, в предисловии к «Человеческой комедии»

Вальтер Скотт, этот современный трувер, придал гигантский размах тому жанру повествования, который несправедливо считается второстепенным. [...] Вальтер Скотт возвысил роман до степени философии истории, возвысил тот род литературы, который из века в век украшает алмазами бессмертия поэтическую корону тех стран, где процветает искусство слова. Он внес в него дух прошлого, соединил в нем драму, диалог, портрет, пейзаж, описание; он включил туда и невероятное, и истинное, эти элементы эпоса, и подкрепил поэзию непринужденностью самых простых разговоров. Но он не столько придумал определенную систему, сколько нашел собственную манеру в пылу работы или

благодаря логике этой работы; он не задумывался над тем, чтобы связать свои повести одну с другой и таким образом создать целую историю, каждая глава которой была бы романом, а каждый роман – эпохой. [...] Хотя я и был, так сказать, ослеплен изумительной плодовитостью Вальтера Скотта, всего похожего на самого себя и всегда своеобразного, я не отчаивался, потому что объяснял особенности его дарования бесконечным разнообразием человеческой природы.

Русские писатели о Вальтере Скотте

Александр Александрович Бестужев (Марлинский) (1797–1837), русский писатель, критик, публицист; декабрист

Вальтер Скотт [...] создал исторический роман, который стал теперь потребностью всего читающего мира, от стен Москвы до Вашингтона, от кабинета вельможи до прилавка мелочного торгаша.

Антон Антонович Дельвиг (1798–1831), русский поэт, издатель

[Сочинения Скотта] нравственны без всяких предварительных намерений автора; ибо в душе, хорошо созданной, все положения жизни отражаются как-то наставительно и чисто: так очень обыкновенное местоположение на поверхности зеркального стекла представляется прекрасною картиной.

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852), русский поэт, переводчик, критик

Читая его, я утешен им самим; в душе его идеал прекрасного, любовь к добру, вера в Бога, и я охотно следую за ним в темный лабиринт жизни; в руке его Ариаднины нити.

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837), русский поэт, драматург и прозаик

Главная прелесть романов W. Scot состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем, не с enflure французской трагедии, не с чопорностью чувствительных романов, не с dignite истории, но современно, но домашним образом. Они не походят (как французские) на холопей, передразнивающих la dignite et la noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances de la vie, leur parole n'a rien d'affecte, de theatral, meme dans les circonstancl solennelles – car les grandes circonstances leur sont famileres. (Они просты в повседневных случаях жизни, в их речах нет ничего приподнятого, театрального, даже в торжественных обстоятельствах, так как великие события для них привычны.)

Виссарион Григорьевич Белинский (1811-1848), русский писатель, публицист, литературный критик

Это не то, что знакомый вам писатель: это неизменный друг всей вашей жизни, обаятельная беседа которого всегда утешит и усладит вас. Это поэт всех полов и всех возрастов, от отрочества, едва начинающего пробуждаться для сознания, до глубокой старости. [...] Для молодых людей особенно полезны романы Вальтера Скотта: увлекая их в мир поэзии, они не только не отвлекают их от науки, но еще воспитывают и развивают в них историческое чувство, без которого изучение истории бесплодно, пробуждают в них охоту и страсть к этому первому и величайшему знанию нашего времени.

* * *

Но разве в самой действительности события не переплетаются с судьбой частного человека; и наоборот, разве частный человек не принимает иногда участия в исторических событиях?.. Роман отказывается от изложения исторических фактов и берет их только в связи с частным событием, составляющим его содержание... Колорит страны и века, их обычаи и нравы высказываются в каждой черте исторического романа... И потому исторический роман есть как бы точка, в которой история как наука сливается с искусством; есть дополнение к истории, ее другая сторона. Когда читаем исторический роман В. Скотта, то как бы делаемся современниками эпохи, гражданами страны, в которой совершается событие романа, и получаем о них, в форме живого созерцания, более верное понятие, нежели какое могла бы нам дать о них какая угодно история.

Федор Михайлович Достоевский (1821–1881), русский писатель

12-ти лет я в деревне, во время вакаций, прочел всего Вальтера Скотта, и пусть я развил в себе фантазию и впечатлительность, но зато я направил ее в хорошую сторону и не направил на дурную, тем более что захватил с собою в жизнь из этого чтения столько прекрасных и высоких впечатлений, что, конечно, они составили в душе моей большую силу для борьбы с впечатлениями соблазнительными, страстными и растлевающими.

Литературоведы и публицисты о творчестве Вальтера Скотта

В 1826 году журнал «Благонамеренный» поместил следующий анекдот А. Е. Измайлова: «При одной престарелой любительнице словесности говорили о романах Вальтера Скотта и очень часто упоминали его имя. «Помилуйте, батюшки, – сказала она, – Вольтер, конечно, большой вольнодумец, а скотом, право, нельзя назвать его». Эта почтенная старушка была большая охотница до книг, особливо до романов».

* * *

В 1827 году журнал «Московский вестник» поместил юмористический стихотворный диалог «Сцена в книжной лавке», где есть такие строчки:

И нечего сказать – на Вальтер Скотта

У нас пришла чудесная охота!

Аделаида Николаевна Паевская (1843–1908), автор книги «Вальтер Скотт. Его жизнь и литературная деятельность», 1891

Популярность В. Скотта была неслыханная. Ни один автор романов до того времени не пользовался подобною славою, и, несмотря на это, он сумел на некоторое время сохранить тайну своего имени. В предисловии к общему собранию своих романов автор объясняет, почему сделал это: во-первых, он

сначала боялся пошатнуть свою поэтическую известность неудачной попыткой в новой литературной отрасли, во-вторых, считал несовместным звание романиста со своим общественным и служебным положением и к тому же не терпел разговоров о собственных литературных трудах. Нужно сказать, что интерес, возбужденный таинственным автором «Вэверлея», был настолько велик, что вызвал появление множества статей и целых сочинений, занимавшихся рассмотрением вопроса о том, кто такой «Великий неизвестный». Называли то брата автора, Томаса Скотта, то товарищей его Эрскина и Элисса, то критика Джеффрея и многих других.

Вирджиния Вулф (1882–1941), британская писательница, литературный критик

Он превосходен в изображении чувств, которые владеют человеком не тогда, когда он вступает в конфликт с другими людьми, а когда борется с природой или судьбой. Его роман – это роман о гонимых и затравленных, которые прячутся в ночном лесу, о бригах, уходящих в море, о волнах, разбивающихся о берег при лунном свете; о пустынных песчаных дюнах и всадниках, скачущих вдалеке, роман жестоких схваток и напряженного действия. И он, возможно, был последним из романистов, владевших шекспировским искусством – выявлять характер героя через его речь.

Нортроп Фрай (1912–1991), канадский филолог (по книге А. А. Долинина «История, одетая в роман. Вальтер Скотт и его читатели»)

Один из крупнейших литературоведов современности, американский профессор Нортроп Фрай, рассказывает в своих лекциях, как однажды он пожаловался коллеге и другу Ричарду Блэкмуру на то, что его ужасно утомляют долгие часы, которые приходится проводить в самолетах и в залах ожидания аэропортов. «Читайте Вальтера Скотта, – посоветовал ему Блэкмур, добавив: – Я его люблю». Фрай последовал этому совету и не разочаровался. «Ничто так не успокаивает и не ободряет во время полета на реактивных самолетах, – пишет он, – как дилижансовый стиль в качестве попутчика».

Хескет Пирсон (1887–1964), английский писатель, автор биографии Вальтера Скотта

Всю свою жизнь Скотт был окружен собаками; хозяин и его псы прекрасно понимали друг друга, только что не разговаривали. В то время его любимцем был Кемп, помесь пегего английского терьера с английским же пятнистым бульдогом чистейших кровей. Когда Скотт лазил по скалам, – а тут все зависело от силы мышц и цепкости пальцев, – Кемп часто помогал ему выбрать самый удобный путь: прыгал вниз, оглядываясь на хозяина, возвращался, чтобы лизнуть того в руку или щеку, и снова прыгал вниз, приглашая следовать за собой. К старости Кемп растянул связки и уже не мог угнаться за Скоттом. Однако, когда Скотт возвращался домой, первый, кто его замечал издали, сообщал об этом Кемпу. Услышав, что хозяин спускается с холма, пес бежал на зады усадьбы; если же Скотт приближался со стороны брода, то Кемп спускался к реке; не было случая, чтобы он ошибся. [...] После смерти Кемпа его любимцем стал Майда, помесь борзой и мастифа, с косматой, как у льва, гривой, шести футов от кончика носа до копчика хвоста и такой огромный, что когда он сидел за обедом рядом со Скоттом, то мордой доставал до верха хозяйского кресла. Могучий пес мог одолеть волка или свалить матерого оленя, однако кот Хинце не давал ему воли. Как-то Скотт вышел на его жалобный вой и обнаружил, что собака «боится пройти мимо кота, который расположился на ступеньках». Внешность Майды привлекала бесчисленных художников, рвавшихся писать со Скотта портреты, так что пес фигурировал на нескольких таких полотнах, а в ряде случаев выступал моделью сам по себе. «Мне приходилось лично присутствовать на сеансах, – рассказывал Скотт об одном из этих случаев, – ибо натурщик, хотя и получал время от времени по холодной говяжьей косточке, обнаруживал признаки растущего беспокойства». В отсутствие хозяина Майда быстро приходил в ярость, и на свет появлялся намордник. В конце концов пес решительно отказался позировать, и один только вид кистей и палитры заставлял его подниматься и уныло удаляться из комнаты. Но он не мог помешать хозяину «списать» с себя двух придуманных псов – Росваля в «Талисмане» и Бивиса из «Вудстока».

* * *

...Задира рыцарь из «Талисмана», Ричард Львиное Сердце, на долгие годы стал любимым героем мальчишек школьного возраста. Впрочем, на чтиво, как и на все остальное, мода меняется, и в наше время скорее всего герой с сердцем льва уступил место герою с «душой» машины.

* * *

Для Скотта-рассказчика были характерны непринужденность и неисчерпаемость. «Ну, доктор Вилсон, – сказала как-то Шарлотта врачу, который в свое время излечил мальчика Уотти от шепелявости, – вижу, что вы самый умный доктор во всей Великобритании: как вы завели тогда Скотту язык, так он с тех пор не дал ему и минутки передохнуть». Все мужнины истории она, судя по всему, давно уже знала наизусть, так что в конце концов перестала к ним прислушиваться и чисто механически вставляла время от времени свои замечания в поток его красноречия. Однажды он завел рассказ про владельца Макнаба, «который, бедная его душа, приказал нам долго жить». «Как, мистер Скотт, разве Макнаб помер?» – удивилась Шарлотта. «Клянусь честью, милочка, если не помер, так, значит, с ним предурно обошлись, зарыв его в землю».

Дэвид Дайчес (род. 1912), британский литературовед, автор биографии Вальтера Скотта

История становления Скотта-писателя – это история маленького мальчика, околдованного местами и преданиями, связанными с жестокими и героическими деяниями, мальчика, который вырос, чтобы постигнуть истинный смысл – с точки зрения человеческих подвигов и страданий – этих жестоких и героических деяний, и нашел способ соединить в своих романах колдовство и действительность.

* * *

Он как никто выражал Шотландию эпохи от 1745 года до Билля о реформе. Прошлое он судил настоящим, а настоящее – прошлым, но свойственное Уэллсу чувство будущего было ему незнакомо. Этот его недостаток понятен, более того, неизбежен, являясь составной частью его небрежного гения. А гением он в конечном счете и был – гением безоговорочно.

Борис Георгиевич Реизов (род. 1902), советский литературовед, в книге «Творчество Вальтера Скотта», 1965

В 1832 году, говоря о восточной теме в английской литературе, Скотт называл имена своих предшественников: Томаса Мура, автора «Лалла-Рук», и Байрона, автора «Восточных поэм». В изображении Востока между этими поэтами и Скоттом мало общего, так как задачи, которые он себе ставил, были совсем другие. Сказки «Тысячи и одной ночи», о которых у него сохранились воспоминания уже почти полувековой давности, могли помочь гораздо больше. Но из произведений на эту тему Скотт читал, конечно, не только те, которые он упоминает в предисловии к своему роману, тем более что к тому времени в Англии литература о Ближнем Востоке была довольно богата. Исторические и географические сочинения, книги об исламизме и крестовых походах, путевые очерки англичан, устремившихся на Восток после окончания наполеоновских войн, наконец – богатая французская ориентальная литература были, несомненно, прочитаны и изучены в те краткие сроки, которые давал себе Скотт для каждого романа. Текст «Талисмана» сохранил явные следы этих недавних чтений.

Дмитрий Михайлович Урнов (р. 1936), литературовед, критик, в статье «“Сам Вальтер Скотт”, или “Волшебный вымысел”»

Век, у истоков которого стоял Вальтер Скотт, называли «веком чудес», удивительных открытий. Если в технике первым по времени и значению было открытие силы пара, то в области духа, в гуманитарной сфере – открытие истории, прошлого. Пушкин сравнил «Историю» Карамзина с открытием Колумба, и можно сказать, что в то время совершилось открытие еще одного нового света, только находившегося не за океаном, а – «за гранью прошлых дней». Увидев прошлое в той живописной подвижности, с какой его изображал Вальтер Скотт, люди того времени были поражены не меньше, чем изобретением «безлошадных» экипажей и «самодвижущихся» фабричных станков.

Даже историческая наука испытала воздействие «шотландского барда». Наподобие вальтерскоттовских романов исторические сочинения сделались, по выражению того времени, живописательными. Вослед романисту историки стали стремиться описывать события прошлого с той живой полнотой, какую мы видим в удачном литературном типе или образе. Эта полнота, как бы объемность и самостоятельность, образа и есть важнейший признак художественности.

Вальтер Скотт явился первым из писателей, о которых говорят, что они открывают читателю целый мир. Переплет любого вальтерскоттовского романа служил поистине чем-то вроде крышки от волшебного ящика или двери в неведомое: стоило открыть книгу, как читатель оказывался в далекой стране, которая вдруг, благодаря магии слов, приближалась к читателю и окружала его со всех сторон.

Далекое и давнее Вальтер Скотт делал близким, неведомое – известным и понятным. Читая Вальтера Скотта, читатели чувствовали, будто они запросто, «домашним образом» (Пушкин) знакомятся и со средневековыми королями, и с рыцарями, и с людьми «вне закона» – неукротимыми горцами. Читать Вальтера Скотта означало совершать путешествие, как мы теперь говорим, во времени и пространстве – в прошлое и в далекие края...

Александр Алексеевич Долинин (р. 1947), русский литературовед, автор книги «История, одетая в роман. Вальтер Скотт и его читатели»

В Ленинграде, в Государственной Публичной библиотеке, хранится весьма примечательное старинное собрание романов Вальтера Скотта [...]: изящные синие томики с золотым тиснением на переплете аккуратно уложены в кожаный дорожный чемодан отменной работы. Открывая такой чемодан, его владелец, наверное, не мог не испытывать то блаженное чувство полноты обладания, с которым скупец открывает заветный сундучок, – ведь перед ним на атласной подкладке покоился огромный мир, населенный, по подсчетам одного терпеливого исследователя, 2836 персонажами, включая 37 лошадей и 33 собаки с кличками, и счастливцу достаточно было взять наугад любой из одинаковых томиков, чтобы погрузиться в «волшебный вымысел».

В читательской памяти, в памяти культуры вальтерскоттовские романы тоже покоятся все вместе – словно почти неотличимые друг от друга томики на атласной подкладке. Конечно, некоторые из них... по тем или иным причинам известны лучше остальных, но, даже взяв в руки книгу Скотта с неведомым доселе названием, читатель уже интуитивно предчувствует, что в ней обнаружит: медленный, обстоятельный рассказ о делах «давно минувших дней» [...]; каких-нибудь крупных исторических деятелей – всемогущих суверенов, коварных министров, отчаянных заговорщиков; благородного героя, завоевывающего руку и сердце очаровательной девицы, а попутно вторгающегося в самый центр сложной политической интриги; демонического

злодея, строящего козни; нескольких добросердечных и мудрых простолюдинов; колоритного безумца, юродивого, шута или колдунью, которые в нужный момент помогут герою выпутаться из беды; и красочные описания интерьеров, нарядов, пиров, оружия, доспехов и прочих антикварных элементов.

Литература

Бальзак О. Предисловие к «Человеческой комедии» // http://lib.ru/INOOLD/BALZAK/s_komedia.txt

Дайчес Д. Сэр Вальтер Скотт и его мир / пер. с англ.; предисл. В. Скороденко. – М.: Радуга, 1987. – 175 с.

Долинин А. А. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. – М.: Книга, 1988. – 318 с., ил. – (Судьбы книг)

Каннингам А. О жизни и произведениях сира Вальтера Скотта / перевод Девицы Д..... – СПб.: Типография Конрада Вингебера, 1835. – XLVII + 143 (8) с.

Паевская А. Вальтер Скотт. Его жизнь и литературная деятельность. – СПб.: Типограф. товарищ. «Обществ. польза», 1891. – 80 с.

Пирсон Хескет. Вальтер Скотт / пер. с англ., послесл. и коммент. В. Скороденко. – М.: Книга, 1983. – 240 с.

Реизов Б. Г. Творчество Вальтера Скотта. – М.; Л.: Худ. лит., 1965. – 490 с.

Скотт В. Дневники // Скотт В. Собрание сочинений: В 20 т. – Т. 20. – М.; Л.: Худ. лит., 1965. – С. 694–724.

Урнов Д. М. «Сам Вальтер Скотт», или «Волшебный вымысел» // <http://lib.rus.ec/b/57831/read>

Талисман, или Ричард Львиное Сердце в Палестине

Глава I

...Они удалились в пустыню, хотя и вооруженные...

Мильтон

Знойное солнце Сирии медленно поднималось над горизонтом. Рыцарь Красного Креста ехал по песчаной пустыне, раскинувшейся вблизи Мертвого моря. Он покинул свою далекую северную родину, чтобы присоединиться к палестинским крестоносцам.

Прежде чем выехать в степь, путнику пришлось пробираться по опасным горным ущельям. Теперь он проезжал по местности, где некогда красовались роскошные древние города, пока не навлекли на себя гнев Божий. Голод, усталость и трудности пути показались ему ничтожными в сравнении с тем бедствием, которое поразило некогда прекрасную долину Содома; трудно было представить, что когда-то здесь, в плодородной долине, журчали ручьи, била ключом кипучая жизнь, а земной рай превратился в знойную, безводную пустыню, обреченную на вечное бесплодие и запустение.

Увидев темную, мутную воду Мертвого моря, рыцарь перекрестился. Он содрогнулся при мысли о том, что на дне обширного водного пространства погребены пораженные громом небесным или извержениями подземного огня прекрасные города, скрытые в струях озера. Почва, пропитанная серой и солью, не благоприятствовала растительности. Удушливые запахи стояли в воздухе, разгоняя птиц.

Жгучие солнечные лучи раскаляли песчаную пустыню; вся природа старалась укрыться от зноя, кроме одинокого изможденного путника, пробиравшегося тихим шагом по сыпучему песку. Его одежда не соответствовала окружающей местности. На нем были кольчуга с длинными рукавами, нарукавники, покрытые железными пластинами (латами), стальная броня, защищавшая грудь и спину, в левой руке он держал треугольный щит, голову венчал стальной шлем с

опущенным забралом. Ноги и шею покрывала легкая кольчуга, башмаки были украшены подобно нарукавникам железными блестящими пластинами. Широкий длинный меч, отточенный с обеих сторон, с крестообразной рукояткой, висел на его левом бедре; на правом боку был длинный кинжал. Вооружение рыцаря дополнялось длинным копьем, древко которого упиралось в стремя; на верхушке копья развевался небольшой значок.

Кроме всех этих воинственных доспехов, на нем был суконный плащ, ветхий и полинявший от времени, но все же надежно защищавший от обжигающих солнечных лучей: без него рыцарь не вынес бы нестерпимой жары в таком тяжелом вооружении. На плаще во многих местах сохранились слабые следы герба рыцаря. Лишь с большим трудом на нем можно было разобрать изображение спящего барса, а также девиз: «Я сплю, страшись разбудить меня!» По-видимому, тот же герб украшал некогда и его щит, теперь пробитый во многих местах. Шлем на голове рыцаря был лишен всяких украшений. При взгляде на тяжелые доспехи северных крестоносцев невольно казалось, что эти воины одинаково закалены в борьбе с врагами и со знойным климатом чуждой им природы.

Снаряжение коня было не менее тяжеловесным, чем воинственный наряд рыцаря: к массивному седлу со стальными украшениями был прикреплен железный щит, защищавший грудь коня. Стальная секира была привязана к луке седла, медная цепь соединяла поводья. Голова была закрыта стальной пластиной с отверстиями для глаз и ноздрей.

Только привычкой можно объяснить то, что под тяжестью стального вооружения не погибали ни кони, ни рыцари, отправившиеся в Палестину, не привыкшие к зною южной страны, а для некоторых южный климат оказывался даже полезным. К числу этих счастливых принадлежал одинокий рыцарь, медленно ехавший по берегу Мертвого моря.

Природа наградила рыцаря крепким здоровьем и такой силой, что он с легкостью переносил все лишения утомительного пути. Душевные силы его были так же крепки, как и физические. Новый климат, усталость не угнетали рыцаря, а наоборот, действовали, казалось, возбуждающе. Он жаждал славы, чего бы ни стоило ему достичь ее! Благодаря этому стремлению к славе, свойственному норманнам, они властвовали в Европе всюду, где только поднимали свои воинственные мечи.

Нельзя, однако, сказать, чтобы счастье и удача постоянно сопутствовали этим добровольным пилигримам, подчас и этим закаленным натурам становилась не под силу их суровая жизнь. Рыцарь Спящего Барса уже два года странствовал по чужеземной стране и не приобрел никаких материальных благ. Кошелек его, не слишком туго набитый и с начала похода, теперь совсем оскудел, тем более что благородство его натуры не позволяло ему прибегать подобно другим рыцарям к средствам, недостойным честного человека. Многие крестоносцы, не стесняясь, облагали несчастных жителей Палестины податями в свою пользу, он же никогда не требовал от них вознаграждения за добровольную охрану их имущества. Небольшая свита, прибывшая вместе с ним с родины, постепенно уменьшалась, так как у него не хватало средств на ее содержание. Единственный оставшийся у него оруженосец заболел и не мог сопровождать своего господина, который, как мы видели, ехал в одиночестве по пустыне. Однако крестоносец лишен робости, его не страшит тишина, он привык надеяться на себя и на свой меч, лучшими спутниками для него являются собственные благочестивые размышления.

Однако какой бы крепостью и выносливостью он ни отличался, усталость заставила подумать об отдыхе. Около полудня, отъехав довольно далеко от Мертвого моря, он увидел источник и возвышавшиеся около него две или три роскошные пальмы. Местность так и располагала к отдыху. Усталый конь, почуяв прохладу и отдых, бодрее направился к пальмам. Выносливое животное легко переносило трудный путь, и теперь близость воды возбуждающим образом действовала на него. Но рыцарю еще много пришлось пережить и преодолеть немало опасностей, прежде чем они достигли желанной цели.

Внимательно всматриваясь в расстилавшуюся перед ним пальмовую рощицу, рыцарь Спящего Барса заметил шевелившегося в кустах человека. Незвестный, в свою очередь увидев приближавшегося всадника, подошел к стоявшей вблизи лошади и проворно вскочил на нее. Чалма на голове, дротик и зеленый плащ, с развевавшимися по ветру лапами, ясно изобличали в незнакомце сарацина. «Друга в пустыне не встретишь», – гласит мудрая восточная поговорка, хорошо знакомая нашему рыцарю; впрочем, его не пугало сознание, что сарацин, мчавшийся навстречу на чудесном арабском коне, быть может, его смертельный враг. Посвятивший себя и свою жизнь военному делу и битвам, он с нетерпением ждал предстоящего боя. Вынув из стремени копье, он наклонился к луке, неподвижно глядя на приближавшегося противника. Натянув крепко поводья, он пришпорил коня и со спокойным величием приготовился к встрече.

Сарацин скакал на своем быстром коне во весь опор. Он сжимал его крепко коленями, и живые и энергичные телодвижения всадника еще более горячили лошадь. Поводья свободно висели на его левой руке, так что он мог легко действовать своим круглым щитом, сделанным из кожи носорога и украшенным серебром; он приготовил его для отражения ударов длинного копья рыцаря. Его копье не было наклонено подобно копью противника – напротив, он непрерывно размахивал им, держа в правой руке, высоко над головой. Приближаясь к неприятелю на полном скаку, казалось, он ждал, что и рыцарь последует его примеру, однако последний, по-видимому, в совершенстве изучивший все военные приемы восточных всадников, даже не счел нужным напрасно утомлять своего усталого коня. Напротив, он решил совсем остановиться, хорошо сознавая, что его могучее вооружение сослужит ему немалую службу в борьбе с быстрым и ловким сарацином.

Противник хорошо понял намерения рыцаря: приблизившись к нему на расстояние нескольких шагов, он приостановился, ожидая внезапного нападения, затем, повернув свою лошадь, с неимоверным проворством пустился вскачь и дважды объехал противника, который тоже, стоя на одном месте, поворачивал кругом свою лошадь, ни на минуту не спуская глаз с сарацина; последний, совершив на своем скакуне два обширных круга, вынужден был отъехать саженой на пятьдесят от неприятеля.

Но на этом расходившийся сарацин не успокоился. Он снова начал свою атаку, но так же неудачно, как и первый раз, так что опять пришлось отступить на некоторое время; словно коршун, набрасывался он каждый раз на спокойно сидящего рыцаря. Подъехал он и в третий раз. Рыцарь, которому уже наскучило подобное выжидательное положение, неожиданно схватил секиру, привязанную к седлу, и изо всех сил ударил по голове своего противника, по одежде походившего на эмира. Сарацин быстро поднял над головой свой щит и едва успел предотвратить удар, который мог стоить ему жизни; от сильного удара щит погнулся, но все-таки спас голову сарацина, который, не удержавшись в седле, упал на землю. Но прежде чем рыцарь успел воспользоваться его падением, сарацин проворно вскочил на ноги, подбежал к лошади и быстро запрыгнул на нее, снова готовый сражаться без устали.

Рыцарь Спящего Барса поднял секиру, намереваясь ударить противника. Видя, как ловко владеет христианин своей секирой и не желая подвергаться новым ударам, сарацин отъехал в сторону; он решил прибегнуть к другому роду оружия, рассчитывая на свое искусство. Он воткнул свое длинное копье в песок,

затем ловко натянул маленький лук и стал пускать стрелы, одну за другой. Если бы не броня, хорошо защищавшая рыцаря, то шесть стрел, пущенных сарацином, несомненно, ранили бы рыцаря Спящего Барса, однако седьмая стрела, казалось, попала удачно, так как рыцарь вдруг упал на землю.

Каково же было изумление сарацина, когда выяснилось, что все это оказалось военной хитростью. Мусульманин спрыгнул с седла, чтобы узнать, в каком положении находится его противник, как вдруг почувствовал, что европеец крепко схватил его в свои железные объятия, но и тут присутствие духа и ловкость спасли сарацина. Он быстро отстегнул пояс, за который его держал рыцарь, и освободился от его мощных рук. В мгновение ока на коне, следовавшем неотступно за ним, он ускакал. Однако положение сарацина было плачевное: в последней стычке он потерял лук и колчан, наполненный стрелами, а также с головы его слетел шлем – почти безвыходное положение заставило сарацина предложить перемирие. Медленно подъехав к христианину, он протянул ему правую руку в знак мира.

– На нашей земле заключено перемирие с вашим народом, – заговорил он на наречии, на котором обычно объяснялись с сарацинами, – зачем же нам с тобой нужна война?

– Согласен, – отвечал рыцарь Спящего Барса, – но кто мне поручится, что ты будешь соблюдать перемирие?

– Служитель пророка не нарушает своего слова, – я бы мог сомневаться в тебе, но измена и мужество – две несовместимые вещи.

Такая искренность устыдила крестоносца.

– Клянусь, сарацин, я буду верен тебе, пока судьба не разлучит нас.

– Клянусь Мухаммедом, пророком Божиим, и Аллахом, Богом пророка, – отвечал сарацин, – что вражды против тебя нет в моем сердце, об измене же не будем и говорить. Теперь пойдем к источнику, нам пора отдохнуть. Я только что собирался освежиться водой, как увидел тебя, и начавшаяся битва расстроила мои мечты об отдыхе.

Рыцарь Спящего Барса тотчас согласился на его предложение; оба воина, недавние враги, вместе направились к деревьям, сулившим прохладу и отдых, ни одним взглядом, ни одним движением не показывая даже малейшего недоверия друг к другу.

Глава II

Минуты перемирия и спокойствия особенно отрадны в военное время. В те отдаленные феодальные времена, когда война являлась главным занятием большинства народов, особенно желанными были для воинов короткие промежутки мира или, вернее, перемирий. Чем меньше было случаев пользоваться ими, тем больше дорожили усталые, измученные люди недолгими днями спокойствия. По понятиям того времени считалось недостойным вести непрерывную войну с теми, с кем сражался как с врагами вчера, сегодня они почти друзья, а только завтра снова готовы биться на смерть. Какими бы бурными ни были страсти народные, но битвы утомили воюющие стороны и если у них появляется возможность отдохнуть от всех неприглядных проявлений времени, воины с удовольствием проводят время передышки, посвящая его не воспоминаниям об обидах, а мирному общению друг с другом.

Служители креста, благодаря великодушию, свойственному их среде, облагораживающе влияли на последователей полумесяца. Благородство христиан-воинов распространилось и на сарацинов. Они уже не походили на тех дикарей-фанатиков, которые сеяли смерть с саблей и Кораном в руках, заставляли принять закон о рабстве, облагали тяжелой данью самым жестоким образом. Так они навязывали свои правила мирным грекам и жителям Сирии.

Сарацины постепенно начали заимствовать многое из нравов и обычаев христиан. Храбрый и гордый народ был восхищен мужеством и терпением христиан, их твердой верой, а также их храбростью, соединенной с ловкостью и искусством. Они устраивали у себя турниры наподобие рыцарских, но главное – они отличались тем, что твердо держали данное слово, чем могли служить примером для христиан. Частые их перемирия соблюдались свято. Благодаря войне, представлявшей, в сущности, величайшее зло, обе стороны приобретали возможность выказать лучшие и благороднейшие стороны своего духа: милосердие и справедливость. Все эти чувства менее заметны во времена мира

и спокойствия.

Вот эти-то чувства и овладели сердцами христианина и мусульманина, еще несколько минут тому назад не гнушающихся никаких способов для взаимного уничтожения. Недавние враги теперь медленно двигались к источнику, так давно привлекавшему их. Некоторое время они ехали молча: только что пережитые ощущения еще переполняли их, и слова не шли с языка. Кони, по-видимому, тоже наслаждались отдыхом: хотя конь сарацина и был больше утомлен бешеной скачкой, зато на нем не было массивного снаряжения, водруженного на рыцарскую лошадь, с ног до головы покрытую обильным потом. Несколько спокойных шагов хватило арабскому скакуну, чтобы восстановить силы; пена и пот виднелись лишь на узде да на попоне. Вязкий песок, по которому им пришлось передвигаться, до крайности утомил несчастного коня рыцаря Спящего Барса. Пожалев своего верного товарища битв и походов, рыцарь решил идти пешком. Густые облака пыли носились в воздухе, раскаленном знойным солнцем, обращающим и сам песок в жгучее вещество; ноги глубоко увязали в песке, и рыцарь лишь медленно мог двигаться вперед.

– Твой добрый конь действительно заслуживает таких забот, – нарушил наконец молчание сарацин. – Одному удивляюсь: как ты решился поехать на нем в нашу пустыню, где его ноги чуть не до колен вязнут в глубоком песке?

– Да, мой конь не похож на твоего арабского скакуна, – ответил рыцарь, в душе обижаясь за критическое отношение к любимому животному, – но и он не раз отличался: когда я был еще на родине, проезжал на нем по застывшей воде озера, по величине равного вашему Мертвому морю.

С изумлением взглянул сарацин на говорившего, и тонкая усмешка, словно молния, пробежала по его губам, однако он продолжал внимательно слушать повествование.

– Рассказывать небылицы легко, – не вытерпел он, – вас, франков, только послушай, так вы готовы совсем одурачить человека.

– Ты невежлив, неверный, – возразил крестоносец. – Если бы я не понимал, что твое недоверие происходит лишь по неведению, то наш мир тут бы и кончился, и мы снова померились бы силами в честном поединке. Неужели ты думаешь, что

я лгу? Повторяю тебе, что я и пятьсот всадников, моих спутников, проехали на лошадях несколько миль по воде, очень похожей на стекло.

– Что ты рассказываешь?! – нетерпеливо воскликнул мусульманин. – Ни Мертвое море, ни семь океанов, окружающих землю, не допускают, чтобы нога лошади коснулась их поверхности! Вспомни про Черное море, которое потопило фараона со всадниками.

– Ты никогда не видел этого, сарацин, но поверь же моим словам: я тебе говорю только правду. В южных странах зной превращает песок в мельчайшую пыль, в моем же отечестве холод обращает воду в твердое вещество, похожее на прозрачный камень. Но пора прекратить этот разговор; я слишком ясно вспоминаю мою далекую родину; отчетливо вижу, как гладкая поверхность тихого озера отражает сияние луны и звезд, и раскаленный воздух этой дикой пустыни становится для меня еще более нестерпимым.

Мусульманин долго смотрел на говорившего, не зная, поверить ли его словам, казавшимся ему вымыслом, или отнести к ним как к очевидному вздору. Наконец он решил, что выслушанное им не более чем сказка.

– Ты принадлежишь к числу рыцарей веселой франкской расы и готов рассказывать небылицы, чтобы только поразить воображение слушателя. Я хорошо знаком с их увлекательными рассказами из мира несбыточных фантазий; они любят дурачить друг друга, пошутить над человеком, чтобы потом посмеяться над доверчивостью слушавшего их простачка. Спорить с тобой, рыцарь, я не стану, так как мне известно, что подчас вы истину стараетесь упрятать подальше, и на первом плане у вас хвастовство.

– Я родился не во Франции, – отвечал рыцарь, – и этих привычек у меня нет. Правда, и я замечал, что они любят рассказывать о том, чего не существует, хвастаться тем, чего не сделали, и предпринимать то, на что не хватит их сил – все это правда. Но я поступил еще более опрометчиво, храбрый товарищ, рассказывая тебе такие вещи, о которых ты не имеешь ни малейшего понятия. Я говорил тебе правду, а в твоих глазах заслуживаю лишь прозвище «веселого балагура», не станем же больше вспоминать о нашей беседе.

Немного погодя они подъехали к пальмовой роще, которая защищала небольшой источник от знойных лучей солнца.

Каким чудесным казался этот маленький цветущий уголок среди мертвой, бесплодной пустыни! Вероятно, в другом месте подобный родник не привлек бы особого внимания, но на этом необозримом пустынном пространстве маленькая роща манила и ласкала взоры путника: здесь можно было найти и тень для отдыха, и воду для утоления мучительной жажды.

Чьи-то руки работали здесь, по-видимому, очень давно: источник был защищен каменной оградой с крытым сводом; без этой защиты ручей давно был бы занесен песком, поднимавшимся громадной тучей при малейшем ветре. Часть свода уже обрушилась, но и оставшейся было еще достаточно, чтобы защитить родник от солнечных лучей. Как отрадно было прислушиваться к легкому журчанию воды, вытекавшей небольшой струей из-под свода! Вода, собиравшаяся в полуразрушенном мраморном бассейне, вытекая из него, быстро терялась в песке. И каменный свод, и бассейн свидетельствовали о том, что этот уголок уже с давних времен служил местом отдыха для усталых, измученных путников. Видно было, что люди когда-то позаботились о том, чтобы сохранить источник на возможно большее время. Все здесь напоминало нашим путникам, утомленным жаждой и длинной дорогой, об их предшественниках, подвергавшихся тем же опасностям и отдыхавших под этой приветливой тенью.

В этом-то уютном убежище и остановились оба наши воина. Они расседлали своих коней, напоили их холодной водой из ручья и пустили свободно пастись на сочной траве, густо росшей между деревьями, коней они не привязали, хорошо зная, что голодные животные не уйдут далеко от воды и от корма.

Утолив жажду, путники уселись на траве и вытащили из сумок свои небольшие запасы еды. Однако прежде, чем приняться за обед, они с любопытством осмотрели друг друга: каждому хотелось оценить силы своего противника и составить представление о нем; результат этого осмотра был утешительный: они признали, что если кому из них и придется пасть в поединке, то смерть эта будет принята от достойного храброго воина.

Лица и весь их внешний вид представляли поразительный контраст – одного взгляда было достаточно, чтобы узнать в них представителей разных наций. Европейец был высокого роста и крепкого сложения. Темно-русые густые волосы, вьющиеся от природы, красиво окружали его высокий лоб, лицо загорелое, мужественное, большие голубые глаза открыто смотрели из-под густых черных ресниц. Усы, прикрывавшие хоть и большой, но замечательно красивый рот, и сверкающие ослепительной белизной зубы дополняли его внешность. На вид ему

можно было дать лет тридцать, но, принимая во внимание его долгие странствования, влияние климата и перенесенные трудности, можно было предположить, что это еще совсем молодой человек, лет двадцати шести. Каждое движение его было легким и ловким. Когда он снял свои нарукавники, обнаружились его прекрасно развитые мышцы, свидетельствовавшие о замечательной силе. Все его слова и жесты выражали отвагу, сочетающуюся с беззаботной веселостью и откровенностью. Подчас его голос изобличал в нем человека, привыкшего держать в повиновении окружающих.

Внешность сарацина представляла полную противоположность внешности западного пришельца. Он был среднего роста, тонкий, подвижный, длинные худые руки, казалось, не соответствовали размерам его тела, состоявшего из одних костей и мышц. Видно было, что его выносливая натура способна преодолеть трудности, которых бы не вынес наш рыцарь. Черты лица его были правильны и красивы, длинная черная борода тщательно расчесана, быстрые красивые глаза выделялись на его смуглом лице, правильной формы нос и прекрасные зубы дополняли его портрет. Внешность сарацина, лежавшего на траве рядом с сильным мощным противником, напоминала его саблю, легкую, блестящую, с отполированным узким лезвием. По-видимому, ему было столько же лет, сколько и рыцарю. Его можно было бы назвать красавцем, если бы не излишняя худощавость, которая, по европейским понятиям, считается недостатком.

Восточный воин держал себя с достоинством, сочетавшимся, однако, с некоторой сдержанностью. Люди вспыльчивые и властолюбивые скрывают эти свои качества за подчеркнутой вежливостью, в то же время постоянно сохраняя чувство собственного достоинства, которое заставляет собеседника быть с ним поделикатнее, чтобы не задеть его самолюбия.

Быть может, и европеец в известной степени обладал надменностью, но она проявлялась у него в иной форме: смелый, откровенный, подчас беспечный, он невольно обращал на себя всеобщее внимание; он не придавал значения мнению окружающих, заставляя людей помимо своего желания относиться к нему с уважением. Сарацин инстинктивно чувствовал его нравственное превосходство и старался обходиться с ним как можно учтивее.

Съестные припасы, взятые в дорогу обоими путниками, были весьма скромны: у сарацина небольшая горсть фиников и ячменный хлеб – этого было достаточно для утоления голода такого непрехотливого жителя пустыни, хотя в последнее

время простота аравийских нравов стала часто уступать место неумеренной роскоши. Несколько глотков ключевой воды завершили его скудный обед.

Еда европейского воина, хотя тоже простая, была более сытной и питательной, чем незатейливая пища его соседа. Он ел ветчину, на которую мусульманин смотрел с нескрываемым отвращением, и запивал ее каким-то напитком из кожаной фляжки, по-видимому, более вкусным, чем вода, так как рыцарь с наслаждением тянул его из горлышка. Мусульманин смотрел на пищу только как на необходимость для поддержания жизни, рыцарь же испытывал при этом своего рода удовольствие. Такое различие в пище еще более увеличило тайное презрение, которое сказывалось в их постоянном наблюдении друг за другом. Но тут на помощь приходило воспоминание об их взаимной силе, и уважение снова заглушало остальные чувства.

Долго крепился сарацин, но все-таки не удержался от некоторых замечаний рыцарю по поводу не понравившихся ему поступков. Он молча следил за ним и наконец заговорил:

– Храбрый товарищ, меня удивляет, что ты, несмотря на все твои доблести, в еде уподобляешься алчному животному. Даже верующий еврей не стал бы есть того мяса, которое ты поглощаешь с таким удовольствием.

– Сарацин, – отвечал рыцарь, удивленный таким неожиданным упреком, – разве ты не знаешь, что христианская религия не запрещает исповедующим ее употреблять в пищу мясо, которое евреи считают оскверненным? Наша вера, не обращая внимания на подобные мелочи, учит нас главным образом почитать Пресвятую Троицу и всех святых.

Считая беседу на эту тему законченной, он со спокойной совестью снова вытащил свою фляжку и отпил несколько глотков живительной влаги, не забыв при этом прочитать молитву на латинском языке.

– Ты гордишься, по-видимому, той свободой, которую допускает ваша религия, – не унимался эмир. – Я убедился теперь, что в выборе пищи вы так же невоздержанны, как лесные звери; нет, вы даже хуже их, так как употребляете питье, к которому они не захотели бы прикоснуться.

– Знаешь что, безрассудный сарацин, ведь в твоих словах проскальзывает богохульство: ты дерзко упрекаешь человека за употребление даров Божиих, рассыпанных Его щедрой рукой по всей Вселенной. Виноградный сок при умеренном употреблении веселит душу усталого человека, облегчает болезни и утешает в горе. Мы одинаково благодарим Бога как за дарованный нам хлеб, так и за чашу вина. Кто пьет вино без меры, тот так же глуп, как и ты, гордящийся своим воздержанием!

Последняя насмешка рассердила сарацина, он не выдержал и схватился рукой за кинжал, но скоро опомнился. Он подумал о храбрости своего противника, о его железных руках, сжавших его с такой силой, что тело еще и теперь болезненно ныло, и решил ограничиться словесным диспутом, как более безопасным в данную минуту.

– Мне жаль тебя, рыцарь, – сказал эмир, – я мог бы разгневаться из-за твоих слов, если бы не сознавал, что это проистекает из твоего невежества. Если следовать правилам твоей веры, то, пожалуй, придется выбирать себе в жены только одну женщину и быть ей верным всю жизнь – земную и загробную. Наш пророк позволил нам наслаждаться выбором всевозможных красавиц и обещал за пределами гроба дать нам на утеху чернооких гурий.

– Клянусь именем чтимого мною Создателя, что ты заблуждаешься, мусульманин. Скажи, тот бриллиант, который сверкает у тебя на пальце, ты считаешь очень драгоценным камнем?

– Да, ни в Бальсоре, ни в Багдаде я не находил ничего подобного. Но я не могу понять, что общего между этим вопросом и нашим разговором?

– Подожди немного, и тебе станет ясно, к чему я клоню. Возьми мою секиру и разбей ею на мельчайшие куски твой бриллиант: каждый обломок отдельно, а также сложенные вместе – они ведь потеряют всю свою ценность.

– Ну, хорошо, – нетерпеливо перебил его эмир, – это ясно и малому ребенку. Осколки этого драгоценного бриллианта по цене не составят и сотой доли целого камня.

– Вот видишь, сарацин, – продолжал, не смущаясь, рыцарь, – любовь к одной женщине есть целый бриллиант. Те же чувства, которые ты расточаешь в

избытке твоим женам, невольницам и подругам, так же ничтожны и малоценны, как осколки твоего дорогого камня.

– Клянусь святой Каабой, ты безумец! Подумай хорошенько о том, что говоришь. Этот перстень утратил бы свою красоту, если бы драгоценный камень не был осыпан мелкими бриллиантиками, придающими ему ценность. Большой камень изображает собой мужчину, достоинство которого заключается в нем самом; мелкие бриллианты, которыми он осыпан, – это женщины, заимствующие от него свой лучистый блеск. Я думаю, что это лучшее истолкование твоей притчи; в подтверждение своей правоты я приведу тебе слова нашего поэта Мансура: «Любовь мужчины украшает женщину; женщина подобна ключевой воде, которая перестает сверкать, когда лучи солнца не освещают ее».

– Сарацин, тебе, верно, не приходилось встречать женщины, достойной любви воина. Если бы ты видел наших европейских женщин, то тебе стало бы понятно постоянство любви рыцарей. Мне кажется, одного взгляда на них достаточно, чтобы навсегда почувствовать отвращение к жалким невольницам, украшающим ваши гаремы. Одна улыбка нашей красавицы заставляет живее биться сердце в груди, наши копья становятся острее, а сталь мечей твердеет. Слова их – закон. Рыцарь, не избравший себе владычицы души, никогда не прославится воинскими подвигами!

– Да, я не раз слышал о вашей вечной любви, но, говоря откровенно, всегда считал это безумством. Мне приходилось часто встречаться с франками, и рассказы о необычайной красоте их женщин возбудили мое любопытство. Хотелось бы знать и видеть собственными глазами красавиц, сумевших подчинить своему владычеству таких храбрых воинов.

– Как жаль, что я сейчас не могу исполнить твое желание, отважный сарацин, – ответил рыцарь. – Я еду теперь в Палестину для поклонения Гробу Господню, а то я с удовольствием проводил бы тебя до стана Ричарда, короля Английского, который сумел бы воздать тебе должные почести как достойному неприятелю. Хоть я и беден и не имею свиты, все же могу поручиться, зная хорошее отношение ко мне короля, что ты встретил бы отовсюду почет и уважение. Ты увидел бы там знаменитейших красавиц Франции и Англии; словно перлы, сверкают они в кругу своих обожателей, и блеск их прекрасных очей в тысячи раз превосходит сияние целой массы бриллиантов, подобных твоему!

– Клянусь Мухаммедом, – с энтузиазмом воскликнул сарацин, – что я с удовольствием приму твоё предложение побывать в английском стане, если ты только согласишься отложить своё путешествие к святым местам! Слушай, назарянин, ведь даже твоё путешествие в Иерусалим опасно для жизни, так как у тебя нет охранной грамоты. Вернёмся лучше обратно в лагерь твоих соотечественников.

– Ты ошибаешься, – ответил рыцарь, – взгляни на этот пергамент, и ты убедишься, что он получен мной от султана для свободного проезда по всей Сирии. Видишь собственноручную подпись Саладина и государственную печать?

Сарацин упал ниц, узнав руку и печать всемогущего султана Сирии и Египта, затем поцеловал пергамент и приложил его ко лбу в знак глубочайшего уважения. Отдавая бумагу христианину, он заметил:

– Несчастный, ты согрешил передо мной и собой: ведь ты должен был показать мне грамоту при нашей встрече.

– Вполне согласен с тобой, храбрый воин, – отвечал рыцарь, – но вспомни, с какой скоростью ты летел мне навстречу: при всем желании я не успел бы достать твою грамоту; я понимаю, если бы на меня напала целая толпа сарацин, то мой долг заставил бы меня показать им приказ султана, показывать же одному воину мне запрещала моя совесть.

– Но согласишься, рыцарь, что и один воин мог не пропустить тебя дальше.

– Конечно, отважный сарацин, но не забывай, что такие храбрецы, как ты, редки. Такие гордые соколы не летают стаями и все вместе нападать на одну птицу не станут.

– Твои слова убедили меня в том, что ты справедливый человек, – ответил сарацин, видимо, очень довольный лестным отзывом рыцаря. – Мы не напали бы на тебя целым отрядом, да, в этом ты прав несомненно, но ведь и один воин мог лишиться тебе жизни; что было бы со мной, если бы, совершив своё дело, я нашёл бы на трупе султанский приказ – смерть была бы для меня наказанием за моё преступление.

– Я рад, что предписание султана обеспечит мою безопасность. Мне рассказывали, что в пути я могу встретить разбойников. Как ты думаешь, эта бумага поможет мне благополучно уйти из их рук?

– Клянусь тебе тюрбаном великого пророка, что отомщу грабителям, если они убьют тебя. Я возьму с собой отряд самых отважных всадников и убью всех мужчин; их жен и дочерей я сделаю невольницами и продам в рабство в самые отдаленные земли; я сожгу их жилища, и ни одна душа человеческая не осмелится поселиться на местах, принадлежавших разбойникам.

– Я тронут до глубины души, благородный эмир, твоими словами, но мне было бы гораздо приятнее, если бы все эти заботы из-за меня не понадобились тебе; но, что бы там ни было, свой обет я должен исполнить. Я думаю, ты укажешь мне путь к тому месту, где можно будет переночевать.

– Я хотел предложить тебе переночевать в шатре моего отца.

– Нет, я должен провести сегодняшнюю ночь в молитве с одним святым мужем, по имени Теодорик Энгадди, живущим в этой пустыне и посвятившим свою жизнь всемогущему Богу.

– Так я провожу тебя к нему.

– Мне было бы очень приятно ехать с тобой по этой пустыне, но боюсь, что твое общество может подвергнуть опасности жизнь святого мужа. Руки твоего народа не раз обогрелись невинной кровью бескорыстных служителей церкви; мы и прибыли сюда из дальних стран, в латах и с мечами, чтобы освободить путь к Гробу Господню и защитить отшельников, поселившихся в пустыне.

– Ты жестоко клеветал на нас, назарянин, – возразил сарацин, – мы не так кровожадны, как ты думаешь. Мы постоянно следуем повелениям Абубекра Альвакеля, преемника нашего великого пророка; он говорил известному у нас полководцу Иезеду бен-Софиану: «Отправляйся в поход, чтобы отнять Сирию у нечестивых; будь храбр, как и подобает доблестному воину, щади жизнь старцев, больных, женщин и детей. Не опустошай земель, не истребляй ни посевов, ни фруктовых деревьев, так как все это даровано Аллахом для блага людей. Храни и соблюдай свято данное тобой слово, если это даже и принесет тебе вред. Если в пути ты встретишь благочестивого мужа, служащего Богу в

пустыне, пройди с миром, не причиняя ему зла. Но если встреченный тобою пустынный окажется служителем сатаны из синагоги, то преследуй его до тех пор, пока он не примет мусульманства, или, по крайней мере, не станет нашим данником». Вот каковы изречения калифа, современника нашего пророка Мухаммеда, мы повинемся его воле, и наш меч поражает только служителей сатаны. Святых мужей, которые не возмущают народного спокойствия, смиренно проводят дни в молитвах и постах, веруя и поклоняясь истинному Богу, мы защищаем от всех опасностей. Тот пустынный, к которому ты теперь направляешься, всегда найдет во мне уважение, любовь и покровительство.

– Я слышал, что Теодорик не священник, но если бы кто осмелился порицать его, – угрюмо сказал рыцарь, – то я сумел бы доказать своим мечом язычнику или мусульманину, что...

– Полно, друг, – миролюбиво произнес сарацин, прерывая страстный панегирик своего спутника, – еще много франков и мусульман осталось на свете, чтобы оттачивать друг о друга лезвия своих мечей. Этот Теодорик пользуется покровительством турок и арабов, и хотя у него бывает много странностей, большинство его поступков так благоразумно и прекрасно, что он несомненно заслуживает покровительства пророка.

– Клянусь именем Матери Божией, сарацин, что если ты еще раз осмелишься так неуважительно отозваться о пустынном, а также постоянно ставить рядом имя погонщика верблюдов из Мекки с именем...

Эмир встrepенулcя, и гнев искажил его лицо, но это продолжалось лишь одно мгновение, он скоро овладел собой и, перебив рыцаря, совершенно спокойно, но с достоинством, проговорил:

– Не отзывайся так пренебрежительно о пророке, с учением которого ты незнаком. Мы ведь уважаем основателя твоей веры, хотя иной раз приходится невольно смеяться над толкованиями ваших священников. Я провожу тебя до самой пещеры пустынного, потому что без моей помощи ты не скоро отыщешь ее. И прекратим бесконечные споры о вере и будем лучше беседовать на темы, более подходящие для молодых воинов, потолкуем о битвах, прекрасных женщинах, острых мечах, блестящих латах и рыцарских турнирах.

Глава III

Отдохнув как следует, оба путника неторопливо поднялись с зеленой травы и направились к коням. Они старались оказать друг другу услуги, помогая седлать лошадей. Рыцарь и эмир прекрасно справлялись с этой работой, что, впрочем, было обычным для того далекого времени, о котором идет речь. Кони были горячо преданы своим хозяевам, которые, в свою очередь, тоже проявляли неустанную заботу о них. Что касается сарацина, то его привязанность к коню была привычной: воины восточных народов постоянно занимаются с лошадьми и относятся к ним почти так же, как к жене и детям. Невозможность обойтись без коня заставляет рыцарей относиться к нему как к другу, разделяющему все трудности его походов.

Лошади перестали щипать траву и тихо ржали, ласкаясь к своим хозяевам. Каждый из воинов, взнуздывая коня, внимательно присматривался к снаряжению своего попутчика, обращая основное внимание на те вещи, употребление которых ему были неизвестны.

Прежде чем уехать, рыцарь напился и вымыл лицо и руки свежей ключевой водой.

– Я бы хотел знать название этого источника, – обратился он к сарацину, – чтобы всегда с благодарностью вспоминать о нем; никогда в жизни я не чувствовал такого удовольствия, утоляя жажду, как в этот раз.

– Его название, переведенное с арабского языка, означает «сокровище дикой степи» или «алмаз пустыни».

– Да, этот источник вполне заслуживает такое название. Я видел массу источников на моей родине, но ни один из них я не буду вспоминать с такой благодарностью, как этот небольшой ручей, возродивший мои силы.

– Да, ты прав, это единственный источник в такой обширной пустыне. Проклятая вода Мертвого моря не годится для питья, даже воды Иордана становятся пригодными и приятными для людей только за пределами этой негостеприимной степи.

Наконец наши путники, оседлав коней, отправились в путь. Жара стала понемногу спадать, и легкий ветерок, поднявшийся с запада, приятно освежал воздух, правда, поднимая тучи пыли, на которую привычный к ней сарацин не обращал ни малейшего внимания. Для тяжеловооруженного рыцаря постоянная борьба со столбами пыли была утомительна, и он снял с головы шлем, заменив его круглой шапочкой из черного бархата.

Некоторое время они ехали молча. Сарацин, взявший на себя роль проводника, внимательно осматривал местность, особенно ряд невысоких холмов, к которым они понемногу приближались. Казалось, эти наблюдения полностью овладели его вниманием: он походил на рулевого, ведущего корабль в море, наполненном рифами и подводными скалами. Когда, наконец, он убедился, что принятое ими направление верно, тотчас же возобновил разговор с приумолкнувшим рыцарем.

– Ты спрашивал у меня название источника, у которого мы только что отдыхали, и я охотно ответил на твой вопрос; теперь мне тоже хотелось бы знать имя того, с кем сегодня судьба или Аллах свели меня.

– Мое имя еще не успело прославиться, – скромно ответил христианин, – однако скрывать его от тебя я не буду, меня зовут Кеннетом, а крестоносцы прозвали меня рыцарем Спящего Барса. У меня есть еще несколько имен, но они покажутся слишком грубыми для восточного слуха. Теперь, храбрый сарацин, позволь узнать, к какому арабскому племени принадлежит твой род и под каким именем известен ты в своем отечестве?

– С удовольствием, сэра Кеннет, сообщу интересующие тебя подробности. Я родился в Курдистане, следовательно, я не арабского происхождения. Обычно меня зовут Горный Лев.

– Я слышал, – сказал рыцарь, – что ваш великий султан ведет свой род от того же племени, к которому принадлежишь и ты.

– Хвала пророку, возвеличившему наш народ до такой степени, что наш повелитель происходит от него. Мое имя, хоть и ничтожно в сравнении с именем царя Египта и Сирии, но все же оно хорошо известно в моей земле. Благородный чужеземец, поведай мне, сколько воинов ты привел с собой в наши края?

– Говоря откровенно, не без труда удалось мне набрать десять оруженосцев и пятьдесят ратников, включая моих слуг и стрелков. Некоторые из них бежали от меня, другие пали на поле битвы, иные умерли от болезней, и я остался один, так как даже мой верный оруженосец недавно захворал. Чтобы испросить ему исцеление, я и решил совершить паломничество.

– Теперь я расскажу тебе, рыцарь, о себе. Посмотри, в моем колчане постоянно хранятся пять стрел, украшенных перьями орла. Когда я пушу одну стрелу в мои шатры, то тысяча всадников моментально вскочит на коней; при второй стреле такое же количество всадников готово повиноваться моим приказаниям. Пять стрел соберут войско в пять тысяч человек, а если же я отправлю лук свой, то десять тысяч хорошо вооруженных всадников рассыпятся по всей пустыне. Я удивляюсь, что ты с такой ничтожной горстью воинов пришел завоевывать нашу землю.

– Клянусь крестным знаменем, сарацин, что твое хвастовство заставляет меня сказать тебе, что я одним взмахом меча могу раздробить горсть шмелей.

– Все может быть, – ответил сарацин с такой насмешливой улыбкой, что их перемирие могло сразу окончиться; эмир, видя, что зашел несколько далеко, поспешил переменить разговор. – Скажи мне, неужели ваши властелины могут уважать рыцарей лишь за храбрость? Как ты мог предлагать мне свое покровительство и защиту в стане твоих соотечественников, не имея ни денег, ни солдат?

– Я с удовольствием объясню то, что тебе кажется таким невероятным. Наши властелины уважают и неимущих рыцарей, если они благородного происхождения и славятся многочисленными подвигами. Если сам Ричард Английский оскорбил бы честь хотя бы и такого бедного рыцаря, как я, то, следуя законам рыцарства, он не имел бы права отказаться от поединка с ним.

– С каким удовольствием полюбовался бы я таким зрелищем, в котором бедняк рыцарь становился на одну ступень с самым могущественным властелином!

– Ты забываешь к слову «бедняк» прибавить эпитеты – благородный и мужественный.

– А как вы относитесь к женам ваших самых знатных рыцарей?

– Самый бедный рыцарь имеет полное право посвятить свои сердце и меч, а также славу своих подвигов прекраснейшей из принцесс и королев.

– Помнишь, рыцарь, недавно ты так возвышенно говорил о любви, я думаю, что не только твое сердце, но и все твои помыслы посвящены какой-нибудь знатной красавице.

– Чужеземец, рыцари не привыкли говорить о своих сердечных тайнах, – отвечал рыцарь, причем его лицо вспыхнуло ярким румянцем. – Довольно с тебя и одного только предположения о том, что моя душа и меч принадлежат благороднейшей и прекраснейшей женщине. Если ты хочешь послушать рассказы о нашей любви, посмотреть на наши турниры, то поезжай в стан крестоносцев, что я тебе уже предлагал; ты сможешь не только вволю налюбоваться этим зрелищем, но даже и сам принять в нем участие.

Восточный воин привстал в своих стремянах и, потрясая копьем, воскликнул:

– Я сильно сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из ваших крестоносцев захотел вступить со мной в бой и испробовать мое копье!

– Не знаю, – отвечал рыцарь, – за других ручаться трудно, но у нас в лагере есть много испанцев, которые знакомы с вашими копьями.

– Собаки твои испанцы! – гневно воскликнул сарацин. – Ради чего они вмешиваются не в свое дело, если даже не могут как следует защитить свое государство? Не с ними хотел бы я сразиться на ваших турнирах.

– Видишь ли, – с улыбкой возразил расходившемуся воину сэр Кеннет, – если бы ты согласился заменить твое игрушечное копье тяжеловесной секирой, то, поверь, нашлись бы охотники и из западных воинов, которые бы не против были померяться с тобой силами.

– Клянусь бородой моего отца, – с усмешкой отвечал рыцарь, – что секира не годится для военных забав; в сражении я с удовольствием подставляю под нее свою голову, но в играх я предпочитаю употреблять более легкое оружие.

– Жаль, что ты не видел секиры короля Ричарда, право, моя в сравнении с ней кажется легким перышком.

– Мне часто приходилось слышать его имя, не относишься ли ты к его подданным?

– Я вхожу в число его приближенных воинов и очень горжусь этим, но я добровольный его подданный, хоть и родился на том острове, где он правит.

– Слушай, рыцарь, ты бредишь. Неужели на вашем бедном острове два короля?

– Да, – отвечал рыцарь, сам родом из Шотландии, – наш остров делится на две части, и каждая управляется своим королем. Хотя жители двух частей острова и часто воюют между собой, но, как видишь, мы все-таки в состоянии были выставить большое количество воинов для защиты Святой земли от надругательств вашего султана.

– Я убежден, сэра Кеннет, что английский король Ричард лишь только по молодости и неопытности мог предпринять этот Крестовый поход. Он пришел завоевывать сюда эти пустыни и ущелья и оспаривать их у тех, кто может выставить против него войско, раз в десять превосходящее по численности приведенных им крестоносцев. Я думаю, сначала Ричарду пришлось покорить твою Шотландию, чтобы заставить тебя и прочих рыцарей отправиться с ним в поход в неведомую землю.

– Нет, клянусь тебе великолепными лучами заходящего солнца, – горячо воскликнул рыцарь, – ты ошибаешься! Если бы Ричард Английский отправился в Крестовый поход, завоевав предварительно нашу гордую Шотландию, то, поверь мне, ни один рыцарь не согласился бы следовать за ним.

Сказав это со всей страстью, сэра Кеннет как бы опомнился и тихо прошептал:

– Что я говорю, мне ли, воину креста, вмешиваться в раздоры христианских народов! Mea culpa! Mea culpa![1 - Моя вина! Моя вина! (лат.) (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)]

Это замешательство и смущение не скрылись от зорких глаз мусульманина; он, хоть и не полностью расслышал последние слова рыцаря, все-таки понял, что и между христианами существуют личная неприязнь и вражда. Однако, будучи человеком вежливым, эмир сделал вид, что не заметил противоречий в чувствах рыцаря.

Местность, по которой они ехали, понемногу менялась: теперь они пробирались среди неприступных утесов и голых скал, со всех сторон окружавших пустыню. Высокие горы, крутые спуски и узкие ущелья на каждом шагу преграждали дорогу нашим путникам. Встречалось им также много мрачных пещер и расщелин в утесах, в которых, говорил сарацин, часто жили разбойники, а хищные звери устраивали свои убежища.

Шотландец, уверенный в своей силе, спокойно выслушивал его рассказы об опасностях, которые их ежеминутно подстерегали. Но когда он увидел пустыню, в которой Спаситель постился сорок дней, то священный ужас и благоговение охватили его. Он прекратил слушать и вникать в пустую болтовню восточного воина и весь погрузился в благочестивые воспоминания. Ему стало неприятно, что его спутник мусульманин: ведь в этой пустыне обитали злые духи, жаждущие овладеть душой каждого человека.

Такие мрачные размышления тем более смущали его, что сарацин становился все веселее и непринужденнее. Чем дальше проникали они в глубь уединенных гор, тем легкомысленнее болтал эмир. Заметив, что сэр Кеннет совсем умолк, и, перестав поддерживать разговор, он запел свою восточную песнь. Как ни плохо владел рыцарь чужим языком, все-таки он понял, что в песне говорилось о любви, о красоте женщин, которых с таким восторгом прославляют восточные поэты. Закончив одну песню, сарацин весело затянул следующую, воспевающую вино, и расходился так, что рыцарь не мог смотреть на него без презрения. Ему стало казаться, что лукавый воплотился в образ этого воина и старается смутить его. Как христианин и богомолец он должен был бы думать о покаянии и грехах, а над его ухом непрерывно звучала восточная песня, в которой говорилось о счастье, любви и земных радостях. Он не мог больше бороться с собой и с негодованием обратился к сарацину с просьбой прекратить пение.

– Сарацин, – сказал серьезно сэр Кеннет, – хотя ты и придерживаешься своей ложной веры и, как слепец, не видишь света истины, но ведь ты должен понимать, что есть места на земле, где могущество злобного духа, простирающееся на человека, сильнее. Я не стану объяснять тебе, по какой

причине эти ущелья, по которым мы проезжаем, эти мрачные пещеры, темные своды которых будто ведут из пропасти в пропасть, стали обиталищем сатаны и его ангелов, но скажу тебе, что святые отцы и мудрейшие люди, которым опасности этих мест известны, предостерегали меня. Поэтому, сарацин, умерь твое излишнее и неуместное веселье, устреми помыслы свои к более возвышенным предметам, хотя грустно, что лучшие твои мысли не больше как хула и грех.

Сарацин с изумлением выслушал его и ответил ему, по-видимому, лишь из вежливости, удерживаясь от смеха:

– Мой добрый сэра Кеннет, ты, кажется, несправедлив к своему товарищу, или же вы, западные народы, привыкли ко всем относиться, считаясь лишь с собой? Я ведь не оскорблялся, когда ты пил вино и ел свинину, ты пользовался правами христианина, говорил ты, тебе была предоставлена свобода насыщаться, чем тебе угодно; я только внутренне жалел тебя, видя, как ты себя оскверняешь. Зачем же теперь, когда я пою песни и стараюсь оживить наш путь, ты возражаешь? Вспомни, что говорит поэт: «Пение как небесная роса, ниспадающая в недра пустыни; оно оживляет путь странника».

– Друг сарацин, – отвечал христианин, – я не осуждаю тебя за то, что ты любишь пение и поэзию, мы сами отдаемся им часто в то время, когда надо было бы думать о более достойных вещах. Однако, проезжая через эту страшную долину смерти, проклятые места, где скитаются злые духи, изгнанные из обители смертных молитвами святых, лучше возносить к небу молитвы и петь псалмы, нежели воспевать вино и любовь.

– Не выражайся так о духах, христианин, знай, что ты разговариваешь с человеком, род и племя которого происходят от поколения бессмертных духов, которых ты так боишься и в то же время хулишь.

– Я всегда был уверен, что ваш народ, ослепленный лживой верой, происходит от духа тьмы, без помощи которого вы не смогли бы удержаться в святой стране Палестине и противостоять многочисленному и доблестному войску храбрых поборников Христа. Это не относится лично к тебе, сарацин, я говорю обо всем вашем народе, поклоняющемся Мухаммеду. Однако мне кажется странным, что ты, происходя от нечистого духа, еще и гордишься этим.

– Что же может быть дороже храброму, как не его происхождение от самого храброго? Гордая душа считает за честь вести свою родословную от духа тьмы, который бы предпочел быть низвергнутым, нежели преклонить колена. Чужеземец, Эблиса можно ненавидеть, но всякий трепещет перед ним и страшится его. Помни же, что его потомки в Курдистане сохранили качества своего предка.

Волшебные сказки и чернокнижие в те времена заменяли науку, и сэр Кеннет без малейшего удивления слушал рассказ сарацина о его происхождении от злого духа и искренне этому верил. Не без внутреннего содрогания сознавал он, что находится в этом ужасном месте с человеком, признававшим себя потомком сатаны. Хотя он и не был робок, но перекрестился и потребовал от мусульманина рассказать о своей родословной, которой тот так гордился. Эмир тотчас же согласился удовлетворить его любопытство.

– Знай же, храбрый чужестранец, что когда злой Зоххак, один из потомков Джамшида, обладал персидским тронem, он заключил союз с царем тьмы под сокровенными сводами Истакара, воздвигнутыми духами в скале задолго до появления Адама на земле. Там воспитывал он двух змей, не жалея для них ежедневных приношений человеческой крови. Каждый день для их жизни требовались человеческие жертвы. Однако терпение подданных истощилось, некоторые из них, в том числе храбрый кузнец и славный Феридун, восстали, они свергли мучителя с престола и навеки заключили его в ужасные вертепы Дамавендской горы.

Однако прежде, чем Персия была освобождена таким образом от власти кровожадного чудовища, его жестокие рабы, которым он поручал находить жертвы для ежедневных приношений, привели однажды под своды дворца Истакара семь прекрасных сестер, походивших на семь гурий. Это были дочери одного мудреца, который, кроме своей мудрости и этих прелестных созданий, не имел никаких сокровищ. Но несмотря на свою мудрость, он не мог предвидеть постигшего его несчастья, и красота его дочерей не могла предотвратить беду. Старшей из них было девятнадцать лет, младшей едва минул тринадцатый год. Они были очень похожи друг на друга, лишь отличались своим ростом, как отличаются ступени лестницы, ведущей в рай. Когда их привели под мрачные своды в легком одеянии из белого шелка, их чудными чертами были очарованы сердца бессмертных. Ударил гром, сотряслась земля, раздвинулась стена свода: юноша в одежде стрелка, сопровождаемый шестью братьями, спустился под своды пещеры. Все они были высокого роста, приятной внешности, хотя очень

смуглые, лишь глаза из-под опущенных ресниц не светились жизнью, взгляд их был тускл и мутен, как у мертвецов.

– Зейнаб, – обратился старший из стрелков тихим, приятным и печальным голосом к старшей сестре, взяв ее за руку, – я Котроб, царь подземного мира, властитель Диннистана. Я и братья мои созданы из огненной стихии, но мы презрели повелителя Всемогущего, не захотели поклоняться глыбе земли, получившей образ и название «человек». Быть может, ты часто слышала о нас как о жестоких и безжалостных угнетателях. Но мы от рождения добры и великодушны. Мы лишь тогда становимся мстительными, когда нас оскорбляют. Мы не обманываем доверившихся нам, мы вняли мольбам Митраспа, который настолько мудр, что, воздавая должное Творцу добра, не гнушается тех, кого называют источником зла. Близок конец твой и твоих сестер, но пусть каждая из вас даст нам по волоску из ваших прекрасных кос в залог верности, и мы унесем вас далеко отсюда, в безопасное место, где вам не надо будет бояться ни Зоххака, ни жестоких исполнителей его власти.

«Страх смерти, – говорит поэт, – подобен жезлу Гаруна, который в присутствии царя Фараона пожрал прочие жезлы, превратившиеся в змей».

Дочери персидского мудреца не испугались духа. Они дали Котробу требуемый от них залог, и в ту же минуту невидимая сила перенесла их в очарованный замок на гору Тугрут в Курдистан, где они навсегда скрылись от взглядов смертных. Через некоторое время в окрестностях замка появились семь юношей, отличавшихся мужеством и храбростью на войне и на охоте. Они были более смуглыми, выше и воинственнее всех жителей Курдистанской долины. Они женились, и от них-то произошли семь курдистанских племен, доблесть которых стала известна всей Вселенной.

С изумлением выслушал христианский рыцарь странную повесть, которая до сих пор сохранялась в курдистанских преданиях; затем, после минутного размышления, ответил:

– Однако, сарацин, ты прав: твоих предков можно ненавидеть, но презирать их нельзя. Теперь я не удивляюсь твоей приверженности ложной вере, потому что она перешла к тебе от твоих предков – жестоких стрелков и уводит от тебя истину. Не удивляюсь я теперь, что приближение к нечистым местам навевает на тебя радость, которая всегда пробуждается в душе человека при виде своей отчизны, и что радость твоя выражается в пении.

– Клянусь памятью отца моего, ты прав, – отвечал сарацин, которого замечания христианина нисколько не оскорбили. – Хотя пророк, да будет благословенно его имя, и поселил в нас семена лучшей веры, нежели та, которой предки наши научились в стенах очарованного замка Тугрута, мы не можем так скоро забыть предания старых времен, не можем забыть и духов, от которых ведем свое происхождение. Мы верим, что они не преданы вечному проклятию, им предстоят испытания, после которых они получают прощение или наказание. Впрочем, мы предоставляем разбирать это имамам и муллам. Скажу только, что знания, почерпнутые нами в Коране, не могли полностью исключить наше уважение к этим духам, и что в песнях наших гор до сих пор воспевается старая вера наших предков.

При этих словах он запел стансы, склад и смысл которых казались отголоском древних времен; по-видимому, они были сложены одним из почитателей злого духа Аримана:

Ариман

О ты, кого Ирак считает

Источником всех зол и бед,

Наш мрачный Ариман, боготворимый мною!

Напрасно взор я простираю

От запада к восточным странам:

Во всей Вселенной не встречаю

Могущественней и сильнее тебя!

Среди степей бесплодных

Добра верховный властелин

Захочет источить поток воды,

Чтоб жажду путника усталого

Целебной влагой утолить,

Но ты лишь повелишь, и волны

Разрушат вмиг его.

Он слово изречет, и расцветут сады

В степи пустынной, дикой, и от них

До облаков поднимется душистый аромат.

Но в силах кто сдержать все зло,

Чуму, горячку, что от стрел твоих

Убийственных повсюду, преград не зная,

Разносятся, пощады не давая.

Владычество твое в сердцах людей.

Пускай они перед другими алтарями

Склоняются поникшею главой,

Во прах унижения, смиренно!

Хоть ужас ты внушаешь, грозный Ариман,

Но тайным помыслом к тебе взывают.

Все чада праха преданы тебе.

Не гром ли звук твоих речей?

Не бурей ли облекся ты, как маги

О том оповестили миру?

Душа твоя питается ли гневом,

Иль мезтью лютою она жива?

Когтями ль ты впиваешься в добычу,

Или дыханием тлетворным ее разишь?

В природе ли самой ты почерпаешь
Великое могущество свое?
Ты можешь ли чистейшие струи
В болото смрадное мгновенно превратить?
Напрасно мы в борьбе бессильной
Тобою посланные беды
Стараемся предвидеть иль отстранить.

Издавна ты царствуешь над нами,
Ты наш кумир и наше сердце – твой алтарь;
Оно тобою бьется, тобой живет.
Все помыслы тебе приносят дань,
Твое могущество известно всем,
Кто ведал ненависть и месть,
Любви и честолюбия отраву.

Когда в юдоли сей плачевной
Нам заблестит отрады луч
И сладостным своим теплом
Все горести и муки отгоняет,
Мы трепетать должны – твой взор
Тлетворный не выносит счастья,
И радость – нам предвестник верный горя.

О, грозный Ариман! Ты правишь
Судьбой людей от колыбели до могилы,

Страдания их – дары твоих щедрот.

Скажи же мне, великий дух,

Могущество твое должно ли

Сопровождать нас и за дверью гроба

И там нас подавлять навеки?

Быть может, строки эти были сложены одним из языческих философов, не озаренным светом истинной веры, видевшим в сказочном божестве Аримане лишь преобладание физического и нравственного зла. Но пропетые человеком, гордившимся своим происхождением от сатаны, они произвели совершенно иное впечатление на рыцаря Спящего Барса, они казались ему похвалой нечистому духу. Слыша страшные слова в той самой пустыне, где сам сатана поклонился Сыну Божию, потребовав сначала от него поклонения, рыцарь раздумывал, должен ли он при расставании с сарацином ограничиться изъяснением своего презрения, или же, по данному обету крестоносца, он должен сразиться с неверным и оставить его труп в пустыне на съедение хищным зверям. Но прежде, чем он успел принять решение, неожиданное происшествие привлекло его внимание.

День клонился к вечеру, но сумерки еще не наступили, так что рыцарь увидел странное существо громадного роста, пристально глядевшее на него. Ловко пробираясь между кустарниками, оно поднималось на скалу; странная одежда, придававшая ему вид дикаря, заставила рыцаря вспомнить изображения фавнов и сальванов, виденных им в древних храмах Рима. Как суеверный шотландец, нимало не сомневавшийся в подлинном существовании языческих богов, он приписал появление этого духа действию гимна, пропетого сарацином.

– Что же, – подумал храбрый сэра Кеннет, – чтоб они сгнули, демон и его приспешники!

Но двух противников, с которыми ему пришлось бы бороться, он решил не предупреждать о своем нападении, что, конечно, сделал бы, если бы имел дело с одним врагом. Он схватил секиру и готовился уже было сильным ударом раздробить череп сарацину, который жизнью заплатил бы за пение персидских стихов, но неожиданное обстоятельство избавило рыцаря от вечного пятна на его совести. Привидение, на которое внимательно устремлены были его глаза,

желая усладить их путь, казалось, скрывалось от них за высокими скалами, пользуясь для этого любыми возвышениями на своем пути, с удивительной ловкостью преодолевая трудности. Когда сарацин закончил свою песнь, это странное существо, одетое в козью шкуру, внезапно вышло из своей западни, стало среди дороги и, схватив обеими руками узды коня сарацина, заставило попятиться его лошадь. Благородный арабский конь, будучи не в силах противиться неожиданному нападению незнакомца, надавившего на него удилами, которые по восточному обычаю состояли из железного кольца, приподнялся на дыбы и упал на опрокинутого им всадника. Только быстро отскочив в сторону, спасся сарацин от верной гибели.

Противник его, выпустив вожжи, бросился на лежащего сарацина, схватил его за горло и, несмотря на молодость и силу эмира, смял его под собой, стиснув своими длинными руками руки пленника.

– Хамако! – вскричал эмир полусмеясь, полусердито. – Пусти меня, глупый! Хамако, ты переступил границу дозволенного. Говорят тебе, пусти меня, не то я тебя проколю кинжалом.

– Кинжалом? Неверная собака! – отвечало существо в козьей шкуре. – Возьми, достань его, если можешь! – и, схватив из рук его кинжал, оно махало им над его головой.

– Помогите! Назарянин, на помощь! – вскричал сарацин, уже по-настоящему испугавшись. – Сюда, или Хамако убьет меня!

– Убить тебя! – повторил житель пустыни. – Ты, действительно, заслуживаешь смерти за свои богохульные песни. Мало того что ты осмелился петь их в честь твоего пророка, предтечи сатаны, ты пел гимн Ариману, виновнику зла.

Рыцарь-христианин был изрядно удивлен: все происшедшее оказалось для него совершенно неожиданным, он понял, что его долг – помочь сраженному товарищу, и он обратился к незнакомому существу:

– Кто бы ты ни был и каковы бы ни были твои намерения, но я должен предупредить тебя, что я дал клятву быть верным товарищем сарацина, которого ты видишь! Я прошу тебя отпустить его, так как иначе я буду вынужден вступить за него.

– Похвальное намерение, – отвечал ему незнакомец, – для крестоносца. Из симпатии к некрещеной собаке вызывать на бой единоверца! Затем ли ты пришел сюда, чтобы воевать за басурман против христиан? Хорошо же ты воин Христов, если при себе допускаешь воспевать гимны сатане!

Говоря это, незнакомец встал и отдал кинжал поднявшемуся сарацину.

– Видишь, какой опасности подвергла тебя твоя самоуверенность, – продолжал он, обратясь к сарацину, – и как легко может Бог, несмотря на твою силу и ловкость, которыми ты так гордишься, ниспровергнуть тебя. Итак, остерегайся впредь, Ильдерим, так как если бы твоя планета не уготовила тебе принести пользу и добро, я не отступился бы от тебя до тех пор, пока не вытянул бы язык твой, осмелившийся произносить слова хулы.

– Хамако, – сказал сарацин без малейшего негодования на угрозы и дерзкий поступок, – прошу тебя, добрый Хамако, не используй в другой раз так широко свои права, потому что я как истинный мусульманин хоть и щажу тех, кого Бог, лишив рассудка, одарил духом пророчества, в другой раз не потерплю, чтобы кто-нибудь наложил руку на узду моего коня, а тем более на меня. Я позволяю тебе говорить все, что угодно, и никогда не рассержусь на твои слова, но помни хорошенько, что если ты еще раз нападешь на меня, я сверну твою косматую голову с твоих плеч!

Затем, повернувшись к сэру Кеннету, он сказал ему, садясь на лошадь:

– Что касается тебя, то скажу тебе по правде, что мне приятнее было бы иметь товарищем в дороге человека, который свою дружбу доказал бы не словами, а делом. Ты засыпал меня ими, но, право же, было бы лучше, чтобы вместо них ты помог мне в борьбе с Хамако, который в бешенстве чуть не убил меня.

– Я действительно виноват в том, что не поспешил тебе на помощь, – ответил рыцарь, – и признаюсь в том. Это странное существо показалось мне демоном, которого вызвали твои песни, его неожиданное нападение так ошеломило меня, что я не сразу мог владеть своей рукой.

– Слишком ты холодный и осмотрительный друг, – возразил эмир, – и если бы бешенство Хамако продолжилось, товарищ твой был бы убит возле тебя и, к

вечному стыду своему, ты и пальцем не пошевелишь, хотя вооружен с ног до головы и сидишь на добром коне.

– Откровенно говоря, – продолжал оправдываться сэр Кеннет, – я полагал, что это существо дьявол; а так как ты сам производишь из их рода, то я, право, не знал какие семейные тайны вам надо было сообщить друг другу, в то время как вы катались по песку.

– Ты трусишь, оправдываешься, брат Кеннет, и не хочешь мне отвечать. Знай же, что если бы неприятелем моим был бы действительно дух тьмы, все равно твой долг был бы помочь товарищу. Знай, что если есть что-либо нечистое в Хамако, то он уже больше принадлежит к твоему племени. Это тот самый пустынный, которого ты желал видеть.

– Как?! – воскликнул рыцарь, глядя на стоявшую перед ним сухощавую фигуру. – Это Энгадди! Ты смеешься надо мной, сарацин, это не может быть почтенный Теодорик!

– Спроси его, если ты мне не веришь. – И едва произнес эмир эти слова, как пустынный подтвердил их:

– Я Теодорик Энгадди, – сказал он, – житель пустыни, друг креста, бич неверных, еретиков и поклонников дьявола! Прочь, прочь! Да падут Мухаммед, Термагант и все сообщники их!

При этих словах он вынул из-под своей лохматой одежды нечто вроде бича или, скорее, двойной секиры, обитой железом, и с удивительной ловкостью принялся размахивать ею над своей головой.

– Вот вам святой, – сказал сарацин и, заметив изумление, с каким сэр Кеннет смотрел на странные движения Теодорика, бормотавшего несвязные слова, засмеялся. Пустынный же, помахав своим орудием, нисколько не заботясь о том, чтобы не попасть им по головам своих собеседников, опустил его, показывая свою силу и крепость своего оружия; он ударил им по огромному камню, расколов его.

– Он сумасшедший, – сказал рыцарь.

– Тем не менее его все признают святым, – возразил эмир, – так думают восточные народы, которые верят, что люди, лишенные ума, вдохновляются свыше. Знай же, христианин, когда человек лишается одного глаза, другой делается зорче; когда человеку отрубают руку, другая делается сильнее и крепче. Таким же образом, когда понимание внешних предметов и рассудок у человека помрачатся, яснее и совершеннее начинает он видеть и понимать вещи небесные.

Тут голос сарацина был заглушен громкими восклицаниями пустынного: «Я – Теодорик Энгадди! – восклицал он. – Светоч в пустыне и бич неверных; товарищами моими будут лев и барс, они найдут убежище в моей хижине, и ягненок не устрасится их когтей. Я светоч и факел! Господи, помилуй!»

Прокричав эти слова, он пустился бежать, легко и ловко подпрыгивая. Все его поведение так сильно шло вразрез со святостью пустынного, слава которого разнеслась в далекие страны, что шотландский рыцарь был поражен; ему трудно было совместить эти странные прыжки и дикие крики с рассказами о кротости и святости Теодорика.

Сарацин понял его душевное состояние.

– Ты видишь, – обратился он к рыцарю, – пустынный ждет, чтобы мы пришли к нему в пещеру. К тому же в этих диких местах иного приюта мы не найдем. Тебя он называет Барсом, потому что барс изображен на щите твоём, я же давно прозван Львом, Козленком называет он себя, так как одежда его всегда состоит из козьей шкуры. Не надо, однако, терять его из виду; он быстр, как верблюд.

В самом деле им стоило большого труда не отстать от пустынного, Теодорик, в совершенстве знакомый с извилистыми тропинками, пролегающими через ущелья и скалы, часто вынужден был останавливаться, поджидая своих спутников, он быстро и легко миновал опасности и трудности пути между расщелинами утесов. Сарацин, несмотря на легкое вооружение и быстроту коня, с трудом успевал за ним. Рыцарь же, закованный в стальную тяжелую броню, часто подвергался опасности, так как конь его при тяжелой сбруе не мог легко идти. С облегчением вздохнул он, когда увидел, что святой муж, все время шедший впереди, остановился у входа в пещеру, в руке он держал деревянный факел, пропитанный смолой и светившийся красным тусклым светом, издавая при этом неприятный серный запах.

Несмотря на густой удушливый дым от факела, рыцарь соскочил с коня и вошел в пещеру, где, по-видимому, никто не заботился ни о просторе, ни о покое. Келья разделялась на две части. В первой стоял жертвенник, высеченный из камня, на котором было поставлено распятие, сплетенное из тростника. Эта часть служила пустынною часовней. Священные предметы пробудили в рыцаре благоговение, и ему стало неловко вводить лошадь в эту священную обитель. Необходимость, однако, заставила его последовать примеру эмира, объяснившему, что таков обычай в их стране. Отверстие в глубине часовни, прикрытое доской, было входом в другую часть, служившую спальней пустынною; она была устроена с большими удобствами. Много труда стоило разровнять землю, покрытую песком. Каждый день пустынный поливал ее водой из небольшого источника, который, журча, бил из угла скалы, оживляя в знойное время усталые взгляды и запекшиеся уста странников. Пол был устлан сплетенными из водорослей циновками, стены кельи, обтесанные и обвешанные душистыми травами и цветами, образовывали правильные своды. Две восковые свечи освещали этот уютный прохладный уголок.

В одном из углов лежали рабочие инструменты; в другом стояло довольно грубо выполненное резное изображение Богоматери. Все эти вещи, резко отличавшиеся от восточного убранства комнаты, говорили о том, что они сделаны рукой пустынного.

На столе лежали различные коренья, тростник, много вяленого мяса, приготовленного гостеприимным хозяином. Как же согласовать прием пустынного с его недавней дерзкой выходкой – вновь удивился сэра Кеннет. Теперь он весь преобразился: его размеренные движения, благородное величие, его сухощавое, изнуренное постом лицо свидетельствовали о возвышенном душевном настроении. Он ходил по келье, как человек, привыкший управлять другими, но смиливший свою волю в стремлении сделаться рабом Божьим. Его сухощавая высокая фигура, длинная борода, распущенные волосы и смелый, сверкающий огнем взгляд придавали ему вид скорее воина, чем затворника.

С непритворным благоговением смотрел сарацин на пустынного, занимавшегося в это время хозяйством, и сказал сэру Кеннету:

– Теперь Хамако спокоен, но он не будет разговаривать с нами, пока мы не окончим наш ужин.

Теодорик молча указал шотландцу на низенький стул, тогда как сарацин по восточному обычаю сел на циновку, поджав под себя ноги. Пустынник поднял руки, благословляя пищу, предложенную гостям, и они стали есть, храня, как и он, глубокое молчание. Эта сосредоточенность была привычна для сарацина; христианину нетрудно было разделить молчание, потому что он невольно сам углубился в размышления. Станным казался ему контраст в поведении пустынника: его бешеные крики при первой их встрече, кривлянья и все его безумное поведение совершенно не соответствовали серьезному виду гостеприимного хозяина, стоявшего теперь перед ним.

По окончании ужина, в котором Теодорик не принимал участия, он собрал оставшееся со стола и поставил перед сарацином чашу шербета, а перед рыцарем – стакан вина.

– Пейте, дети мои, – сказал он им. Это были первые слова, произнесенные им с тех пор, как они вошли в келью. – Дарами Божиими не воспрещается наслаждаться, только не следует забывать ниспославшего их.

Проговорив это, он удалился в переднюю часть кельи, желая предаться в тишине молитве, гостям же предоставить покой. Не одно любопытство заставило сэра Кеннета обратиться теперь к эмиру с расспросами о пустыннике. Слишком трудно было разобраться ему в своих впечатлениях и согласовать поведение отшельника; еще труднее ему было объяснить безграничное уважение епископов Европы к Теодорику. Более известный как пустынник Энгадди, он вел переписку с Папой и соборами, и письма его, полные живого сочувствия к лишениям и бедствиям латинских христиан в Святой земле, красноречием своим не уступали воззваниям пустынника Петра на Клермонском соборе, проповедовавшего Первый крестовый поход. И в этом уважаемом всеми старце вдруг увидел он исступленного факира. С этой мыслью рыцарь не мог свыкнуться, и она заставляла серьезно задуматься: точно ли можно передать ему возложенное на него важное поручение.

Это поручение и было причиной предпринятого им трудного пути. Однако все, чему он стал свидетелем в этот вечер, сильно смущало рыцаря. Сведения, полученные от эмира, не могли его полностью успокоить.

По его словам, пустынник был прежде храбрым, отважным воином, мнение которого всегда высоко ценилось. Обладая необыкновенной силой, свидетелем которой не раз был сам эмир, он прославился своей храбростью. В Иерусалим он

прибыл не как богомолец, а как человек, желавший остаток дней своих провести в Святой земле. Через некоторое время он поселился в этой дикой пустыне, где вскоре среди христиан стал известен своей набожностью; турки относились к нему с большим уважением, так как странности его они считали вдохновением, посылаемым свыше. Сам же Шееркоф затруднялся высказать свое мнение. Хамако, по его мнению, был мудрым человеком. Прежде ему иногда приходилось замечать неприязнь к себе пустытника, но так дерзко он отнесся к нему в первый раз. Малейшее оскорбление по отношению к его вере приводило его в ярость. Рассказывали, что однажды арабы напали на него, опрокинули алтарь и надругались над его верой. Он не мог снести этого и бичом, единственным своим оружием, побил их. Это происшествие быстро распространилось; с тех пор арабы, скитающиеся по пустыне, из опасения к силе пустытника, не трогают ни жилища, ни его часовни. Слава его облетела дальние страны, и сам Саладин относился к нему с уважением. Посетив его несколько раз в качестве прорицателя будущего, султан издал приказ оберегать его. У него даже была обсерватория на высоком месте, откуда мог наблюдать движение планет, оказывающих, по мнению христиан и мусульман, влияние на судьбы людей и заранее предсказывающих о них.

Однако все рассказы Шееркофа не могли разрешить мучительных колебаний сэра Кеннета: считать ли Теодорика действительно сумасшедшим, или внешность и обращение его – просто притворство, которым он хочет воспользоваться, как безумные пользуются своими преимуществами на Востоке? Ему казалась необычной та терпимость, которую фанатические последователи Мухаммеда проявляли по отношению к старцу. Подозрительным показалось ему и то, что Теодорик назвал эмира незнакомым ему именем, и он решил, что оба они, вероятно, близко знакомы. Все эти наблюдения сделали его крайне осторожным: он твердо решил сразу не доверять своего поручения пустытнику, а постараться сначала узнать его.

– Сарацин, – обратился он к эмиру, – пустытник, кажется, так плохо владеет собой, что даже не помнит имен. Я слышал, что тебя называют Шееркофом, он же называет тебя иначе?

– Когда я жил в шатре моего отца, меня называли Ильдеримом, и так меня зовут еще многие. Воины дали мне прозвище Горного Льва, и это имя заслужил я своим мечом. Но молчи! Вот идет Хамако, он пришел просить нас отдохнуть, он не терпит, чтобы кто-нибудь нарушал его молитвы.

Действительно, в эту минуту к ним вошел отшельник. Он скрестил руки и, стоя перед ними, торжественно сказал:

– Да будет благословенно имя Господа, который после дневных трудов послал нам безмятежную ночь; успокоение да снизойдет на утомленные члены и отойдут заботы!

– Да будет так! – ответили оба воина и, встав, начали собираться ко сну; указав им на их постели, пустынный поклонился и вышел.

Рыцарь Спящего Барса снял с себя тяжелый меч; сарацин помог ему расстегнуть пряжки лат кольчуги, и он очутился в одежде из верблюжьей кожи, которую рыцари обычно носили под своими доспехами. Если Шееркоф удивлялся силе своего противника в битве, когда тот, весь покрытый стальной броней, стремительно бросался на врага, то теперь его не менее поразили стройность его стана и крепкое сложение. Рыцарь, со своей стороны, желая ответить эмиру услугой за услугу, помог ему снять верхнюю одежду, чтобы он спокойнее мог заснуть; немало удивился он и тому, как такой сухощавый человек мог обладать столь огромной силой.

Оба воина прочли свои вечерние молитвы: мусульманин, обратившись на восток, начал произносить непонятные для рыцаря слова; христианин же, опасаясь оскверниться от близкого присутствия неверного, отошел в дальний угол, поставил меч с крестообразной рукояткой перед собой, стал перед ним на колени как перед святым символом спасения и усердно возносил Богу молитвы и благодарность за Его покровительство, оказанное ему во время опасного пути по дикой пустыне. Утомленные тяжелым путем и борьбой, оба воина скоро заснули на своих подстилках.

Глава IV

Шотландец Кеннет не помнил, как долго он проспал, но вдруг почувствовал, как что-то давит ему на грудь, и проснулся, думая, что сарацин во сне нападает на него. Очнувшись и открыв глаза, он увидел перед собой пустынного, склоняясь над ним, одной рукой опираясь на его грудь, а в другой держал серебряную лампаду.

– Тише! – сказал пустынный пораженно уставившемуся на него рыцарю. – Мне надо сообщить тебе такие вещи, которых не должен знать этот неверный.

Слова эти он произнес на французском языке, а не на левантинском, составленном из слов восточных и европейских, который был принят в Палестине в общении между латинянами и мусульманами.

– Встань, – продолжал он, – надень свой плащ, не говори ни слова и следуй за мной.

Сэр Кеннет встал и взял свой меч.

– Он не нужен тебе, – сказал пустынный, продолжая говорить шепотом, – мы идем в святое место, где сильно только духовное оружие, телесные силы там ничтожны, как тростник и сухая былинка.

Рыцарь опять прислонил свой меч к постели и, взяв с собой кинжал, который он ни на минуту не покидал во враждебной стране, приготовился следовать за Теодориком.

Пустынный, сопровождаемый рыцарем, который в сильном недоумении спрашивал себя, не видится ли все это ему, медленно направился вперед. Как тени, вошли они в переднюю часть хижины, не тревожа эмира, покоившегося глубоким сном. Перед распятием и алтарем горела лампада и лежал открытый молитвенник, а на полу валялся бич[2 - Орудие из тонких железных прутьев и бечевки, которым бичуются католики.], запятнанный свежей кровью. Увидев это, рыцарь с ужасом подумал о тех жестоких истязаниях, которым подвергает себя пустынный.

Теодорик стал на колени на полу, выложенном острыми кремнями, с целью приучить себя к телесным страданиям. По знаку, данному пустынным, рыцарь также преклонил колена. Старец прочел несколько молитв, тихим голосом пропел три покаянных псалма, изредка прерывая свое пение вздохами, слезами и стонами, доказывавшими, как сильно он переживал священную поэзию. Сэр Кеннет молился с большим усердием; колебания и сомнения, возникшие было при первой встрече с пустынным, отошли далеко. Теперь, видя его глубокую, искреннюю молитву, он смотрел на него как на святого. Когда молитва

кончилась, рыцарь встал перед старцем с уважением, которое ученик чувствует к высокочтимому учителю; несколько минут пустынный, погруженный в размышления, хранил молчание.

– Взгляни, сын мой, – сказал он рыцарю, указывая на ивовые дверцы, прикрывавшие небольшое отверстие в стене пещеры. – Ты найдешь там покрывало, подай его мне.

Рыцарь повиновался. Отворив ивовые дверцы, он нашел покрывало и, поднеся его к свету, увидел, что во многих местах оно разорвано и покрыто черными пятнами. С сильным беспокойством посмотрел пустынный на покрывало, не в состоянии преодолеть волнение, он глубоко вздохнул.

– Ты увидишь величайшую святыню на земле, – сказал он наконец. – Увы! Глаза мои недостойны еще созерцать ее. Я могу лишь указывать утомленным странникам безмятежное пристанище покоя, сам же все еще осужден оставаться в преддверии. Напрасно удалился я в глубину кремнистых гор, в недра бесплодной пустыни, враг мой и там нашел меня: тот, от кого я старался отойти, последовал за мной в пустыню! – Он умолк на мгновение, потом, снова обратившись к сэру Кеннету, сказал более твердым голосом: – Ты прислан ко мне с поклоном от Ричарда Английского.

– Я прислан от Совета христианских властителей, – отвечал рыцарь. – Английский король болен, и оттого я не мог получить приказаний Его Величества.

– Что служит доказательством твоего посольства? – спросил пустынный.

Сэр Кеннет колебался, прежние его подозрения и сомнения вновь охватили его, но как мог он подозревать человека, поступки которого теперь носили такой ясный отпечаток святости?

– Ты хочешь знать мой пароль? – сказал он. – Вот он: «Цари стали должниками нищего».

– Хорошо, – сказал пустынный и несколько минут спустя снова обратился к нему: – Я тебя знаю, но, осторожный воин, моя стража независима, она проверяет и друга, и недруга.

Он взял лампаду и опять вошел в первое отделение хижины, откуда они вышли. Сарацин на циновке спал глубоким сном. Пустынник, остановившись перед ним, посмотрел на него, сказав:

– Он погружен во мрак, пусть же не пробуждается! – Положение эмира действительно говорило о глубоком покое: руки его были сложены на груди крестообразно, сам он был обращен к стене, на лицо свешивался широкий рукав, и только лоб оставался открытым; необыкновенно подвижное тело его теперь было в покое, длинные ресницы опущены над пронизательными глазами, а вся фигура скорее походила на неподвижное мраморное изваяние, чем на живого человека; ровное, спокойное дыхание свидетельствовало о сладком сне. Спавший представлял резкую противоположность стоявшим возле него мощным фигурам: пустынник в козьей шкуре, с суровым выражением лица державший над ним лампаду и рыцарь, выразивший всем своим видом любопытство.

– Он крепко спит, – сказал пустынник тихим голосом, затем повторил уже сказанные слова, придавая им теперь иной смысл: – Он погружен во мрак, но наступит и для него день пробуждения и озарит его. О Ильдерим, твое мирозерцание так же тщетно и суетно, как помыслы, волнующие твое воображение во время сна. Но трубный глас коснется и твоего слуха, и сон твой рассеется!

После этих слов отшельник дал рыцарю знак следовать за собой. Оба они возвратились в часовню; Теодорик подошел к алтарю и нажал пружину, вделанную в стену. Повинуясь давлению руки, она открыла взору железную дверцу в стене пещеры, сделанную с таким искусством, что стоило большого труда различить ее. Пустынник, помазав петли лампадным маслом, отворил ее. За дверью скрывалась узкая лестница, высеченная в горе.

– Возьми покрывало, которое я держу, – сказал пустынник рыцарю печальным голосом, – закрой мне им лицо, потому что я недостойн смотреть на святыню, которую ты увидишь.

Сэр Кеннет беспрекословно повиновался и обернул голову пустынника покрывалом. Старец шел по лестнице, как человек, хорошо знакомый с этим ходом; лампаду он отдал шотландцу, который следовал за ним по узкой лестнице. Наконец они остановились на маленькой площадке: с одной стороны к ней примыкала небольшая лестница, с противоположной – также виднелись

ступени, ведущие далеко вверх. В стене была встроена готическая дверь, украшенная резьбой и колоннами; калитка, высеченная в ней, вся была обита железными листами по обычаю того времени. Пустынный направился к ней, по мере приближения к двери поступь его становилась менее твердой.

– Сними свою обувь, – сказал он спутнику, – место, на котором ты стоишь, священо. Изгони из глубины сердца своего все земные, греховные помыслы: здесь они будут вменены тебе во грех.

Рыцарь исполнил приказание пустынного, последний, казалось, был погружен в тихую молитву. Пустынный ближе подошел к двери и сказал рыцарю, чтобы тот постучал три раза. Сэр Кеннет повиновался, дверь распахнулась сама собой, по крайней мере он не заметил, кто бы мог отворить ее. Ослепительный свет, хлынувший из раскрытой двери, и сильное благоухание на минуту поразили его. Он отступил на несколько шагов, но через некоторое время пришел в себя, и глаза его, ослепленные резким переходом от тьмы к свету, постепенно привыкли к нему.

Войдя в помещение, он увидел, что свет исходил от серебряных лампад, в которых горело чистое масло с благовонными смолами. Лампады эти спускались на серебряных цепях со свода небольшого готического придела[3 - В церкви небольшая пристройка со стороны южного или северного фасада, имеющая дополнительный алтарь. (Примеч. ред.)], высеченного в скале, так же как и все жилище пустынного. Но предметы в жилище Теодорика были выполнены грубо, здесь же каждая вещь указывала на руку искусного каменотеса. Весь свод был укреплен на шести прекрасно высеченных колоннах, арки, соединявшие их, были покрыты резными украшениями. С обеих сторон придела в высеченных в стене нишах виднелись изваяния апостолов.

В глубине придела с восточной стороны стоял алтарь, он был задернут шелковой, богато вышитой золотом персидской занавесью, за которой скрывалось изображение или мощи прославленного святого.

Погруженный в свои мысли, рыцарь приблизился к алтарю и преклонил колена. Внезапно занавесь отдернулась, и взору рыцаря представился ковчег, сделанный из черного дерева и украшенный серебром, с двойными створчатыми дверцами, в миниатюре изображавший древнюю церковь.

С живым любопытством устремил рыцарь свой взор на ковчег, но вот дверцы раскрылись, и рыцарь увидел частицу дерева с надписью крупными буквами: «Vega Cruх»[4 - Истинный крест (лат.).]. В ту же минуту раздался хор женских голосов, пропевших «Gloria patri»[5 - Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу (лат.).]. Когда последние звуки замолкли, дверцы ковчега снова закрылись и занавесь задернулась. Рыцарь, стоявший перед алтарем, проникнутый глубоким благоговением, горячо возносил к небу молитвы, благодаря за великую милость, оказанную ему.

После довольно продолжительной молитвы рыцарь встал и стал искать взглядом пустытника, приведшего его в святую таинственную обитель. Он увидел его с покрытой головой, распростертого на пороге придела, которого он, казалось, не смел переступить. Величайшее благоговение видно было во всем его облике. Сэр Кеннет приписал состояние пустытника его смирению, которое своей силой и искренностью сломило гордый дух и мощное тело славного некогда воина.

Он подошел, чтобы заговорить с ним, но пустытник, угадавший его намерение, сказал ему сдавленным от волнения голосом, звук которого в стенах придела показался глухим, как бы выходящим из глубины могилы: «Подожди, подожди! Ты, счастливец, удостоишься еще видения; для тебя оно еще не кончилось». При этих словах он встал, отворил дверь и скрылся за ней. Стук захлопнувшейся двери гулко раздался под сводами придела.

Дверь эта была вделана в стену придела так искусно, что сэр Кеннет с трудом мог различить ее смутно обрисовывающийся контур.

Не зная, что с ним будет, сэр Кеннет твердо решил ожидать обещанного пустытником видения. В глубокой тишине полуночи он внезапно услышал звук колокольчика, который напомнил ему звон при возношении даров на литургии. Звуки эти производили на рыцаря особенно сильное впечатление, и он поспешил отойти в самую глубь придела, чтобы оттуда наблюдать за тем, что не замедлило последовать.

Через несколько минут снова отдернулась занавесь, и святыня представилась его глазам. Вторично преклонил рыцарь с благоговением колена, и снова раздался голоса женского хора; широко разносилось чарующее пение, которое обычно слышится после заутрени на католическом богослужении. Звуки, видимо, приближались, становясь яснее и яснее. Наконец другая дверь, которой рыцарь прежде не заметил, растворилась и голоса свободно полились под сводами

придела.

В сильном волнении и с прерывающимся дыханием устремил рыцарь глаза на двери; не меняя положения, выразившего глубокое благоговение, он ожидал, что последует за этими торжественными приготовлениями. И вот из дверей выступил хор: впереди шли четыре прелестных ребенка, обнаженные руки, шеи и ноги которых были смуглы, сильно выделяясь на фоне снежной белизны накинутых на них туник. Первая пара несла в руках кадила, а вторая – усыпала пол цветами.

За ними шли женщины, составлявшие хор; шестеро из них, судя по черному их одеянию и покрывалу того же цвета, были монахинями ордена Кармелитской горы; за ними следовали шесть девушек, видимо, временно находившихся в монастыре. Первые держали в руках четки, другие, моложе и стройнее, несли гирлянды, свитые из алых и белых роз в виде четок. Они обошли вокруг придела, по-видимому, не обращая на сэра Кеннета ни малейшего внимания, хотя проходили мимо него так близко, что иногда касались его. Во время их пения рыцарю казалось, что он находится в одном из древних монастырей, где благородные девушки посвящали всю свою жизнь служению церкви. Большая часть монастырей была уничтожена мусульманами, когда они завоевали Палестину, но некоторые из них сохранились, откупившись щедрыми подарками. В этих монастырях до сих пор свято продолжали соблюдать свой обет отшельницы.

Хотя Кеннету были отчасти известны эти подробности, но святость места, полуночное время, удивление, вызванное появлением благочестивых дев, – все это так сильно подействовало на рыцаря, что он готов был видеть в медленно проходивших мимо него фигурах неземных существ; ему казалось, что это спустились ангелы, прославлявшие Творца Вселенной, которому поклоняется весь мир. Так думал рыцарь при виде медленно двигавшихся фигур, как бы плывших среди облаков курившегося в воздухе фимиама.

Во второй раз обходили они придел и поравнялись с ним. В это время тихо, незаметно оторвался от четок и скользнул из-под покрывала бутон розы, упав перед рыцарем. Кеннет вздрогнул, словно пораженный стрелой. Но вскоре он рассудил, что в этой случайности нельзя искать ничего знаменательного.

Когда, однако, процессия проходила мимо него в третий раз, Кеннет внимательно наблюдал за юной девушкой, уронившей цветок. Походкой,

стройностью стана и ростом она нисколько не отличалась от остальных, но сердце рыцаря невольно подсказывало ему, что за покрывалом скрывается та, к которой были устремлены все его помыслы.

С благоговейным трепетом ждал рыцарь вторичного знака. Долгими и томительными казались ему минуты ожидания. Наконец девушка, на которую с таким вниманием были устремлены глаза рыцаря, поравнялась с ним. Она ничем не отличалась от своих подруг, но когда она в третий раз проходила мимо сэра Кеннета, маленькая прелестная ручка раздвинула складки флерового покрывала, мелькнула подобно яркому лучу ясного месяца, скользнувшему из-за густых облаков в летнюю ночь, и еще раз уронила к ногам рыцаря цветок.

Этот вторичный знак не мог быть случайностью: не случайно обнажилась рука, напоминавшая ему ту, которой он однажды коснулся устами своими, поклявшись в вечной верности. Ясным доказательством его предположения служил знакомый ему драгоценный яхонт, сверкнувший на одном из пальцев. Локон темно-русых волос, столь дорогих ему, мелькнул из-под раздвинувшегося покрывала. Да, действительно, это была та, которой принадлежали все помыслы рыцаря. Но он не понимал, как могла она очутиться в этой дикой, необитаемой пустыне, среди посветивших свою жизнь уединению и исполнению данных обетов.

В то время как рыцарь был погружен в свои размышления, процессия из придела входила уже в те же двери, откуда вышла. Глаза рыцаря напряженно следили за юной девушкой; прежде чем переступить порог, она повернула голову в его сторону; еще с минуту виднелось ее покрывало, и затем она скрылась за дверью. Как только переступила через порог последняя девушка, за ними со стуком захлопнулась дверь; пение хора внезапно оборвалось, все лампы погасли, и рыцарь остался один в густом мраке.

Однако уединение и таинственность места не беспокоили сэра Кеннета: он не думал о них, призрак, мелькнувший перед его глазами, стоял живой перед ним. Он поднял оброненные цветы, прижал их к губам и к сердцу и поцеловал холодный камень, хранивший следы ее ног.

Станным может показаться, что рыцарю и в голову не пришла мысль последовать за любимой девушкой, но в те далекие рыцарские времена это было естественно. Он думал о ней как о божестве, которое, осчастливив его своим минутным присутствием, скрылось в святилище.

То было время, когда в любимой девушке видели таинственное высшее существо; рыцарский, воспетый трубадурами культ женщины уподоблял ее планете, изливавшей в счастливую минуту свой лучезарный свет на человека. Она пользовалась полной свободой радовать его своим присутствием или же наводить на него своим отсутствием тоску и уныние, оживлять его своей лаской или приводить в отчаяние своей суровостью. Да она никогда и не позволила бы ему ничего иного, кроме заслуг и подвигов, совершенных в честь ее. Что касается сэра Кеннета, то он не имел иной цели, как всегда быть покорным ее малейшим желанием и славными подвигами своими увековечить ее имя.

Посторонние обстоятельства придавали любви рыцаря еще более романтический характер. Он никогда не слышал звука голоса любимой девушки, хотя ему часто удавалось видеть ее прелестное лицо. Она жила в высшем кругу, и, хотя звание рыцаря давало ему туда доступ, он не был членом его. И как бы ни были блестящи его подвиги, каковы бы ни были его военные заслуги, бедный шотландский рыцарь никогда не мог приблизиться к своему божеству, и взор его едва смел коснуться его, как взор персиянина – дневного светила.

Найдется ли женщина, какого бы знатного происхождения она ни была, которая не заметила бы столь страстной и почтительной привязанности молодого рыцаря, если бы званием он и был ниже ее? На него были обращены ее взгляды на турнирах. Она слышала постоянные похвалы его мужеству и храбрости в бою. И в то время, как многие лорды и графы старались добиться ее благосклонности, она отдала сердце свое бедному рыцарю, все имущество которого состояло в копье. Невольно, незаметно любовь охватила ее сердце. Она слышала, что знатные английские дамы отдавали предпочтение сэру Кеннету и в красоте, и в мужестве. Несмотря на щедрые подарки, которыми награждали певцов пэры и властители, они невольно порой вдохновлялись мужеством великодушного рыцаря, который, однако, не мог одарить их ни богатой одеждой, ни могучим конем.

Эдит невольно вслушивалась в похвалы, расточаемые молодому рыцарю, они радовали ее, она отдыхала, слушая их, утомленная пылкой лестью. В эти минуты она забывалась, мечтая о воине, боевая слава которого ставила его выше лордов, отличавшихся знатностью и богатством. Все больше чувствовала она привязанность к ней сэра Кеннета и готова была разделить с ним его будущность, сулившую, быть может, одни лишения.

Когда Эдит полностью убедилась в своей любви, ей не раз приходилось роптать на оковы, налагаемые на нее знатным происхождением. Как ни была горда от природы молодая родственница английского короля, ее самолюбие больше не удовлетворялось безмолвным обожанием любимого рыцаря. Знаменитость ее рода и сопряженные с ней приличия внушали робость сэру Кеннету, и он не мог переступить магической черты, окружавшей любимую девушку, как не может дух переступить границу, начертанную жезлом могущественного волшебника.

Невольно она пришла к мысли, что ей придется сделать первый шаг и высказать ему свою благосклонность. Ее подкреплял в этом отношении пример дочери венгерского короля, поощрившей любовь оруженосца низкого происхождения. Эдит же, хоть и происходила из царского рода, не была дочерью короля, ее рыцарь был тоже не знатного, но благородного происхождения, так что судьба не разделила их слишком глубокой пропастью. Однако гордость не позволяла ей сделать первый шаг, так как веками установившийся обычай требовал, чтобы это сделал мужчина. Притом же сэр Кеннет был так благороден, так хорошо знал долг свой по отношению к ней и самому себе, что она невольно боялась поспешным знаком одобрения лишиться уважения любимого человека.

Однако, несмотря на свою сдержанность, она невольно выказала предпочтение сэру Кеннету: два цветка, упавшие у его ног, не должны ли были служить ему теперь знаком того, что она узнала его?

Трудно сказать, как произошло сближение между Эдит и рыцарем; трудно уловить постороннему, как посредством неприметных знаков, взглядов, движений создается взаимное сближение двух любящих сердец. Эта таинственная наука любви, доступная лишь пылкой молодежи, становится нам чуждой, так как, отягченное годами, зрение наше притупляется, и мы делаемся неспособными замечать ее признаки, легко ускользающие от взора наблюдателя. Довольно, если мы скажем, что взаимное влечение сознавалось обоими молодыми людьми, хотя они ни слова еще не сказали друг другу. И хотя Эдит всеми силами старалась сдерживать свою любовь, она хорошо понимала, как трудно устранить преграды, стоявшие между ними, каким опасностям может их подвергнуть взаимная привязанность. Рыцаря также терзали тысячи сомнений, и потому он должен был умерять свою пылкость; он опасался вызвать в ней слишком откровенно выраженное предпочтение, хотя и видел, что она часто внешне холодна; он знал, что причиной в данном случае служит опасение подвергнуть любимого человека неприятностям или лишиться его уважения, явно обнаружив свою любовь.

Такое длинное отступление от нити происшествий, хотя и может показаться неуместным, необходимо: быть может, оно разъяснит и поможет понять зарождающуюся между двумя юными сердцами взаимность, которая уже определилась, когда неожиданное присутствие Эдит в приделе произвело на сэра Кеннета столь сильное впечатление.

Глава V

Напрасно выходцы с того света посещают нас в лагере; мы приказываем этим призракам исчезнуть.

Уортон

Глубокое молчание и густая тьма долго царили в приделе, где мы оставили рыцаря Спящего Барса; больше часа стоял он коленапреклоненный, то вознося мольбы к Небесам за оказанные ему милости, то благословляя дорогу его сердцу Эдит за высказанное ему внимание. Он стоял в том месте, которое освящалось величайшей святыней. Воин Христов, горячо любящий Эдит, может ли он чего-либо страшиться? Теперь он вполне отдается исполнению своего долга Богу и своей возлюбленной.

Более часа ничем не нарушалась глубокая тишина, но внезапно пронзительный свист пронесся под сводами придела, таким свистом сзывают ловчие своих соколов. Звуки эти не соответствовали святости места, и Кеннет невольно подумал об обороне. Он встал и схватился за кинжал. Что-то хрустнуло, заскрипело, будто где-то поднялся или опустился блок. Свет, появившийся из отверстия в полу, не замедлил подтвердить его предположение: длинная сухощавая рука, обнаженная до локтя, с плеча покрытая рукавом красной материи, показалась из отверстия, держа лампаду. Вскоре обозначилась вся фигура поднимавшегося по лестнице человека. Он переступил порог, и взору Кеннета представилось уродливое существо: огромная голова карлика, покрытая колпаком, причудливо украшенным тремя павлиньими перьями, красное платье, расшитое золотом, еще больше подчеркивало его безобразие. На руках его были надеты два золотых браслета, а на белом шелковом поясе висел кинжал с золотой рукояткой.

Это странное существо, вышедшее из отверстия, держа в левой руке нечто вроде метлы, стояло неподвижно. Оно поднесло свою лампаду к лицу, как бы желая ярственнее осветить его. Скользивший по лицу свет лампы ясно обозначил дикие, нескладные черты его, уродливое, плотное туловище. Несмотря на свою безобразную внешность, карлик был силен и ловок.

Сэр Кеннет невольно подумал о гномах и духах, обитающих в подземных пещерах, в то время как глаза его остановились на ужасном видении. Оно внушало суеверный страх и вызывало в воображении мысль о сверхъестественных существах, вселяющих в человека ужас.

Еще раз раздался свист карлика, и другое столь же отвратительное существо показалось из подземелья. Это была женщина в одежде из такой же красной материи самого странного покроя, короткая юбка обнажала ее ноги. Как и ее товарищ, она поднесла лампаду к своему лицу, освещая всю фигуру. Несмотря на безобразие и уродливость, в ней просматривались гибкость и ловкость. Глубоко впавшие глаза обоих карликов сверкали из-под густых черных бровей подобно взору ехидны, чей зоркий взгляд несколько сглаживал их ужасную наружность.

Сэр Кеннет долго не мог прийти в себя от изумления при виде этого странного зрелища. Пара обходила придел, подметая своими вениками пол; по-видимому, это были слуги, но труды их были напрасны, так как, кривляясь и ломаясь, они едва прикасались к полу веником, держа его в одной руке. Поравнявшись с рыцарем, они опустили свои веники и, став перед ним рядом, старались осветить яснее свои лица, тщательно направляя на них свет своих лампад. Затем, приподняв светильники, чтобы лучше разглядеть рыцаря, они обернулись друг к другу и захохотали пронзительным диким голосом, гулко раскатившимся под сводами храма и неприятно отозвавшимся в ушах рыцаря. Звук их хохота показался сэру Кеннету до того необычным, что он вздрогнул и поспешно спросил, заклиная их именем Божиим, кто они такие и почему нарушают должное почтение к священному месту своим кривляньем и ужасным хохотом.

– Я карлик Нектабанус, – ответил урод мужского пола голосом, вполне соответствовавшим его безобразной наружности, подобно карканью ворона, раздававшемуся в глухой час полуночи.

– А я Женевьева, владычица души его, – произнесла карлица диким, раздирающим душу голосом, еще более пронзительным, чем голос ее товарища.

– Зачем вы здесь? – спросил рыцарь, и сомнение, говорит ли он с людьми, снова наполнило его душу ужасом.

– Я, – отвечал важно карлик, приняв подобающий вид, – двенадцатый имам, Мухаммед Мохадид, проводник, указывающий путь правоверным. Сто оседланных коней ожидают меня и мою свиту в святом граде, и такое же число в священном убежище, я послан свидетельствовать о пророке, а перед тобой стоит одна из моих гурий.

– Ты лжешь! – слова эти вырвались из груди карлицы ужасающим воплем. – Не гурия я твоя, а ты не из числа гнусных мусульман, последователей Мухаммеда. Да будет проклят гроб его! Тебе говорят, осел иссахарский, что ты король Артур, похищенный волшебницами с поля битвы авалонской, а я Женевьева, прославившаяся на весь свет своей красотой.

– Так знай же, благородный рыцарь, да, мы злополучные принц и принцесса, приютившиеся под крылом Гвидо, короля Иерусалимского, до тех пор пока неверные собаки не согнали его из собственного гнезда. Да разразит их гром небесный!

– Тише! – послышался голос, раздавшийся с той стороны, откуда рыцарь вошел в придел. – Замолчите, безумные, уйдите, ваша работа окончена!

По этому приказанию, сказав еще несколько слов друг другу диким, нечеловеческим голосом, карлики загасили свои лампы, оставив рыцаря в совершенной темноте. Вскоре затих и гул их шагов. После их ухода настала тишина, не нарушаемая ни единым звуком.

После ухода этих несчастных существ рыцарь передохнул. Внешность, слова и поступки их невольно напомнили ему тех жалких существ, которых ради забавы держат в знатных домах из-за их крайней глупости и безобразия. Далеко не свободный от предрассудков своего века, шотландский рыцарь в другое время охотно и сам позабавился бы и от души посмеялся над глупостью этих созданий. Но в эту минуту их внешность, кривлянья, разговоры – все это так не соответствовало наполнявшим его душу глубоким, благочестивым размышлениям, что их уход очень обрадовал его. Через несколько минут медленно отворилась дверь, в которую он вошел, и слабый свет лампы, поставленной на ее порог, мелькнул в приделе. При тусклом дрожащем свете

рыцарь заметил человека, простертого на полу за дверями придела. Подойдя к нему, он узнал в нем пустычника, который в этом смиренном положении пробыл, по всей вероятности, все время в молитве.

– Кончено, – сказал пустыжник, услышав приближавшиеся шаги рыцаря, – теперь, как злополучный величайший грешник, так и достойнейший и счастливейший из смертных, оба мы должны покинуть это святилище. Возьми лампаду и иди вперед по лестнице: я до тех пор не сниму с себя покрывало и не открою своих глаз, пока не выйду из этого священного места.

В молчании повиновался шотландский рыцарь. Неизъяснимое, свыше навеянное чувство наполняло его душу восторгом при воспоминании обо всем увиденном и сдерживало его любопытство. С большим вниманием осматривал он таинственные проходы и лестницы на обратном пути. Наконец они спустились во внутреннюю келью пустычника.

– Опять возвращается осужденный преступник в свою мрачную темницу, – сказал Теодорик, – иногда дается и ему некоторое облегчение, покуда грозный Судья не призовет его к отчету и не изречет над ним своего приговора, давно им заслуженного.

Произнеся эти слова, пустыжник снял со своей головы покрывало и глубоко вздохнул. Положив покрывало на то же место, откуда он велел рыцарю взять его, он обратился теперь к сэру Кеннету и сказал ему отрывистым и даже грубым голосом:

– Иди, отдыхай, ты можешь предаться сну, ничто не потревожит его, я же не должен спать, да и не могу!

Сильное волнение затворника тронуло сэра Кеннета, и он удалился в другую келью. Но, переступая через порог, оглянулся и увидел, что пустыжник, как испуганный, поспешно срывает с себя козью шкуру. Не успел он еще затворить дверь, разделявшую обе кельи, как услышал щелканье бича, которым кающийся грешник наносил себе удары, подавляя стоны от боли. Холодный пот выступил на лбу рыцаря; как велико должно быть злодеяние пустычника, думал он, если жестокие наказания, которым он подвергает себя, не могут заглушить терзающих его угрызений совести. Особенно усердно прочел рыцарь несколько молитв, лег на покрывало, бросил взгляд на спящего мусульманина и,

утомленный происшествиями предыдущего дня и ночи, вскоре заснул глубоким, крепким сном.

Проснувшись на следующее утро, он долго беседовал с пустынником; этот разговор заставил его пробыть в пещере еще два дня. Как глубоко набожный христианин, он молился с большим усердием, но не был более призван в храм своими чудесными видениями, оставившими в его памяти неизгладимое впечатление.

Глава VI

Зрелище меняется: да прозвучат трубы и литавры, и да воспрянет лев в логовище своем.

Старинная комедия

Резко меняется обстановка, в которую мы переносим нашего читателя. От пустынных Иерусалимских гор обратимся к стану Ричарда Львиное Сердце, короля Английского. Войско, с которым мужественный король собирался торжественно вступить в Иерусалим, находилось между Аккрой[б - Сирийский город Аккра (у французов Saint-Jean d'Acres), древняя Птолемаида.]и Аскалоном. Его отважный замысел был бы осуществлен, если бы не зависть державных крестоносцев, которые всеми силами старались разрушить его планы. Горделивое, презрительное отношение и надменность английского монарха возбуждали в них негодование; своей явной насмешкой к слабости и робости он разжигал еще более в них ненависть к себе, а между тем, они хорошо сознавали его превосходство, его твердость, мужество и военное искусство. Эти раздоры, особенно между Ричардом и Филиппом, королем Французским, переносили споры на личную почву и препятствовали исполнению всего, задуманного храбрым Ричардом. А войско крестоносцев все уменьшалось, побеги солдат учащались, многие предводители, не видя более ни выгоды, ни славы, уходили и уводили с собой свои армии.

Нестерпимый, палящий дневной зной, холодные ночные росы, непривычный для северных пришельцев климат оказывали пагубное влияние на воинов.

Многие гибли... А разврат, своеволие и распущенность крестоносцев, так противоречащие их принципам и святой цели, еще более содействовали возникновению различных болезней, со страшной силой поражающих войско. Да и неприятельское оружие нанесло ему сильный урон. Правда, трудно было легковооруженным солдатам Саладина, знаменитейшего полководца на Востоке, сражаться в рукопашном бою с франками, закованными в стальную броню, и хотя войска его были несколько раз разбиты и рассеяны, численностью своих солдат он превосходил неприятеля и в постоянно возникавших мелких схватках всегда одерживал верх. Видя, что армия крестоносцев быстро тает, Саладин становился отважнее. Лагерь крестоносцев был окружен, почти осажден отрядами легкой конницы, на быстрых конях мусульмане носились вокруг своих врагов, постоянно готовые напасть, а при первом отпоре – быстро рассеяться. Передовые отряды, посылаемые христианами за продовольствием, теряли своих храбрых воинов. Отряды эти перехватывались, пути сообщения перерезывались. Жизнью должны были крестоносцы платить за продукты питания, а вода, как во времена царя Давида, доставалась ценой крови.

Тяжело приходилось христианам, но король Ричард своей твердой решимостью и неутомимой энергией вдохновлял и поддерживал слабеющие духом войска. Не сходя с коня целыми днями, он отражал набеги неприятеля, оказывал неожиданную помощь христианам. Появляясь с несколькими рыцарями, он поражал неверных и склонял жребий победы на сторону христиан в то самое время, когда уже их поражение не вызывало сомнения.

Из-за постоянной физической усталости и невероятного умственного напряжения сильная натура Ричарда не смогла выдержать губительного климата: лихорадка, свирепствовавшая в Азии, сломила его: сначала он вынужден был отказаться от верховой езды, а позже – и от места председателя в военном Совете крестоносцев, созываемом в минуты опасности.

Трудно сказать, как подействовало на Ричарда заключенное крестоносцами тридцатидневное перемирие с Саладином. С одной стороны, его сильно раздражала отсрочка, из-за которой отдалялось осуществление святой миссии, но с другой – надежда на скорое выздоровление и возможность выйти на поле брани заставляла его радоваться тому, что и другим его соратникам не удастся достичь успехов: «Не пожнут товарищи плодов победы, в то время как я буду прикован к постели», – думалось ему.

Горько было слышать Ричарду, что уныние и беспечность овладели крестоносцами за время его болезни. Все вокруг свидетельствовало о том, что надежда на успех оставляет войска, что мужественный, твердый дух, оживлявший их и вселявший бодрость, слабеет. Во время перемирия войска должны были подготовиться к решительному наступлению на Иерусалим, набрать новых воинов, вернуть им мужество. Между тем крестоносцы теряли и время, и силы, воздвигая укрепления, окапываясь рвами, как бы готовясь отражать нападение грозного неприятеля, а не вести победоносное наступление.

Такие известия чрезвычайно раздражали английского монарха. Как лев, заключенный в железную клетку, видя добычу свою, скрежещет зубами, так негодовал Ричард, скованный болезнью. Окружающие трепетали перед ним, доктора не имели того влияния, которое дается доверием пациента. Лишь барон Малтон, искренне привязанный к королю, не опасаясь настроить его против себя, своей твердостью внушал к себе уважение и имел влияние на него. Он не страшился подвергнуть себя гневу и вспыльчивости своего монарха, не боялся лишиться милости, которой пользовался, дорожа жизнью и честью его, он неуклонно заботился о его выздоровлении.

Сэр Томас Малтон был знатным дворянином Камберлендского графства. Однако не за знатность и богатство уважали его, а за мужество и доблесть. Норманны называли его лордом де Во, а саксонцы, придерживаясь старинного наречия, звали знаменитого воина Томасом; саксонцы гордились, что их кровь текла в жилах знаменитого воина.

Барон Малтон сопровождал короля во всех походах, сам он принимал участие не только в войнах между Англией и Шотландией, но и в междоусобных, раздиравших в то время английское королевство. Всюду он был известен своей храбростью и отвагой, своей простотой, порой доходившей до грубости, он нравился отважному королю. Суровый, угрюмый, он презирал приличия и чуждался льстивых царедворцев.

Были люди, которые считали его хитрым и честолюбивым человеком, который напускает на себя простоту и безыскусность, стремясь завоевать симпатии короля, чтобы достигнуть своих честолюбивых замыслов. Однако никто не мог разоблачить его намерений, никто не осмеливался даже разделить теперь его забот о больном, опасаясь испытать на себе издержки вспыльчивого, резкого характера Ричарда. Барон Малтон безотлучно находился у постели Ричарда,

болезнь которого неуклонно прогрессировала. Трудно было ему совладать с таким беспокойным больным, порывающимся в бой, жаждущим славы, но лихорадкой прикованным к постели. Английские воины любили Малтона, служившего их королю, заботившегося о нем во время его болезни; они видели в нем мужчину, бескорыстно помогавшего своему собрату, движимого искренней дружбой, объединявшей обычно всех, кто каждый день подвергает себя одинаковым опасностям.

Однажды вечером, когда нестерпимый зной сирийского солнца уже начал спадать, Ричард лежал, изнемогая от страданий. Его большие глаза, всегда ярко блестящие, горели, воспаленные лихорадкой; светлые кудри разлетелись и спутались, падая на лицо, мужественные черты которого носили глубокие следы тяжелой болезни, всклокоченная борода и усы закрывали губы и подбородок. Беспокойно метаясь по постели, он то сбрасывал покрывало, то снова натягивал его на себя. Даже сейчас нетерпеливые движения и порывы больного выдавали его живой, пылкий нрав, его предприимчивый и деятельный характер.

Над изголовьем его склонился Томас де Во, весь вид которого, его размеренные движения являли разительный контраст с больным монархом. Ростом гораздо выше среднего, он излучал спокойствие и твердость, свои волосы, густые и длинные, он подстригал в кружок, чтобы удобнее было подбирать их под шлем. Невозмутимость и мужество светились в его черных глазах, лишь на мгновение затуманивались они, когда он замечал сильное волнение, овладевавшее монархом. Черты лица, как и все его движения, были грубы. Быть может, в свое время они были красивы, теперь же уже покрывавшие их и перерезывавшиеся рубцами морщины сильно искажали их. Его усы, темные, с проседью, по норманнскому обычаю были опущены книзу. Высокий плотный стан, широкая мощная грудь, сильные руки – все свидетельствовало о силе, о том, что он легко мог переносить трудности похода, сопряженные с непривычным нездоровым климатом.

Более трех ночей не отходил он от постели больного, отдыхая лишь в течение нескольких минут. Он не снимал с себя куртку, почти не менял положения и вставал лишь для того, чтобы поднести к воспаленным устам Ричарда питье или лекарство, которое король не соглашался принимать из других рук. Что-то трогательное сквозило в неловких движениях и ласковых увещаниях грубого воина, нежная заботливость которого составляла сильный контраст с его мужественной осанкой.

Шатер, в котором лежал король, не поражал своей пышностью – скорее, он был бедно убран. Лишь обилие оружия, оборонительного и наступательного, прикрепленного к столбам и разбросанного по всей палатке, бросалось каждому в глаза. Пол был устлан шкурами убитых на охоте зверей, многие из них были вывешены за шатром; в углу, на груде шкур лежали три огромные собаки, всегда сопровождавшие своего хозяина в его частых охотах. Огромные, белые как снег, называвшиеся в то время аланами[7 - Из породы борзых, самой крупной породы.], они неизменно внушали страх. Их израненные лбы, следы звериных когтей, весь вид их свидетельствовал о том, что они часто выходили победителями из жестокой борьбы с лесными обитателями. Оскаленные челюсти, глаза с нависшими бровями, устремленные на Ричарда, будто с удивлением спрашивали его, почему так долго их оставляют в праздности и бездействии.

Вся обстановка шатра говорила о характере его владельца. На небольшом столике, у постели, лежал треугольный стальной щит с изображением трех бегущих львов, которых монарх включил в свой герб. Рядом – корона, отличавшаяся от герцогской лишь возвышенной передней частью, и пунцовая бархатная тиара – принадлежность английского монарха. К столу же была прислонена грозная, всегда готовая к защите королевских прав секира Ричарда, тяжести которой не вынесла бы ничья другая рука.

Во внутреннем отделении королевского шатра бесменно дежурили три офицера королевской свиты, на лицах их лежал отпечаток сильного внутреннего беспокойства: что станет с ними, куда им деться, если их государь скончается? Эти мрачные опасения разделяла и стража, то ходившая взад и вперед у входа в шатер с унылым и печальным видом, то опершись на свои алебарды, стоявшая неподвижно, будто застывшая на часах, напоминая больше окаменелые статуи, нежели живых людей.

– Итак, – спросил король, очнувшись после продолжительных жестоких приступов лихорадки, – нет ли у тебя приятных известий, сэра Томас? Все наши рыцари превратились в баб, все женщины сделались ханжами, и нет ни в ком больше мужества, уважения и заботы, чтобы оживить стан лучших воинов в Европе. Увы!..

– Государь, – отвечал де Во, терпеливо повторяя свое возражение далеко не в первый раз, – мужественный дух наших войск сдерживается лишь перемирием. Что касается женщин, то, не будучи их приверженцем, я редко меняю сталь и

кожу на золото и бархат, но все же могу сказать, что теперь лучшие наши дамы сопровождают Ее Величеству, королеву, и принцессам в предпринятом ими паломничестве в Энгаддийский монастырь, чтобы помолиться о выздоровлении Вашего Величества.

– Боже мой, – раздраженно вскричал Ричард, – жены и дочери королевской крови подвергают жизнь и честь опасности в стране, оскверненной язычеством, где в жителях нет ни совести, ни уважения к человеку, ни усердия и любви к истинному Богу!

– Вы забыли, государь, что их безопасность ограждается словом, данным Саладином, – ответил де Во.

– Да, да, – сказал Ричард, – я виноват перед султаном, но я заглажу свою вину перед ним. Дал бы еще Бог подняться на ноги, и я бы оправдался перед нашими армиями, перед всеми христианами и язычниками.

В страшном волнении приподнялся Ричард, простер руку, обнаженную до плеча, сжал кулак и потряс им, будто держа меч или секиру и словно готовый рассечь тюрбан султана, украшенный драгоценными камнями. С большими усилиями де Во уложил своего государя, укутал его с нежной заботливостью любящей матери, ухаживающей за больным своенравным ребенком. Конечно, не стерпел бы Ричард ни от кого другого такого насилия.

– Однако, хоть ты и суров, но усердно заботишься о больном, – сказал король с горькой усмешкой, уступая силе де Во, не в состоянии ему сопротивляться. – Право же, тебе к лицу был бы чепчик кормилицы, а мне – детский свивальник. Оба мы были бы похожи на няньку с дитятей и испугали бы наших красавиц.

– Не для одних красавиц служили мы пугалом, – отвечал лорд де Во, – надеюсь, государь, что мы проживем еще несколько десятков лет на страх нашим врагам. И что значит приступ лихорадки? Потерпите, будьте спокойны, чтобы ваша болезнь прошла скорее.

– Приступ лихорадки! – воскликнул Ричард. – Да, ты прав, такова моя болезнь. А скажи, чем ты объяснишь бездействие всех наших христианских властителей: Филиппа Французского, тучного австрийца, маркиза Монсерратского, всех рыцарей орденов тамплиеров и госпитальеров? Как ты назовешь их болезнь? Так

знай же: они больны расслаблением и физическим, и душевным, и не поправятся им, отнялись у них и руки, и ноги, и головы, лишились они языка, онемели все их члены. Неизлечимая язва растравила их сердца, истощила чувства всего изящного и благородного в знаменитых наших рыцарях, и забыли они свой священный обет, охладел их порыв к славе, забыли они самого Бога.

– Ради Бога, государь! – испуганным голосом сказал де Во. – Говорите тише, вас слышат за шатром. Ваши слова еще больше возбуждают ропот, готовый прорваться в рядах воинов, и христианская армия ослабеет от раздоров. Помните, что ваша болезнь лишает нас главной нашей опоры для достижения цели. Легче безрукому управиться с секирой, нежели христианскому войску совершить подвиг без короля Ричарда.

– Ты льстишь мне, де Во, – сказал король, но, поддавшись похвалам, он, изможденный, с кротким видом склонил свою голову на подушку.

Однако Томас де Во не относился к придворным льстецам. От всего сердца вырвались у него эти искренние слова; теперь же, видя, как благотворно они подействовали на больного, он хотел было продолжать, но король, снова предавшийся тяжелым размышлениям, с жаром воскликнул:

– Ты стараешься меня уговорить, но слова твои не смогут меня успокоить. Скажи, почему бездействуют европейское рыцарство, дворянство и государи? Только потому, что один человек болен? Скажи, почему болезнь, а может быть, и смерть Ричарда должны парализовать силы такого храброго огромного тридцатитысячного войска? Посмотри на стадо оленей: разбегается ли оно, когда их вожак падает от меткой стрелы охотника? А стая аистов, разлетается ли она, когда налетевший ястреб уносит вожака, впившись когтями в его тело? Разве другой не занимает его место? Почему не соберутся начальники и не изберут из своей среды предводителя?

– Не во гнев Вашему Величеству, – отвечал де Во, – но я слышал, что члены Совета готовятся предпринять нечто подобное.

Жгучая ревность зашевелилась в душе Ричарда.

– А! – вскричал он. – Так, значит, я забыт своими союзниками, они решили, что нет надежды на мое выздоровление, они считают меня уже мертвым? Но нет же,

нет, они не правы! Кого же избирают они вождем христианской армии?

- По достоинству нет никого выше короля Французского во всей армии, так думает Совет, - сказал де Во.

- Без сомнения! Кого же другого, как не короля Франции и Наварры избрать им! Сен-Дени Монжуа! Его христианское величество! Как пленяют их все эти титулы! Одного лишь надо бояться: чтобы он не ошибся и вместо «Вперед, друзья!» не крикнул бы «Пора назад, на покой!» и не повел бы славную армию обратно в Париж на потеху врагам. Он давно уже понял, что спокойнее притеснять собратьев и грабить союзников, нежели с опасностью для жизни завоевывать незабвенную славу, вырвав из рук неверных мусульман Гроб Господень.

- Можно бы выбрать эрцгерцога Австрийского.

- Не говори о нем! Ему ли вести наше рыцарство к славе!

- Но гроссмейстер ордена тамплиеров, не достоин ли он быть предводителем христианской армии? - спросил барон, довольный тем, что ему удастся отвлечь больного. - Своей храбростью в сражении, мудростью в Совете он давно известен; его не тяготят и заботы о собственных владениях, которые могли бы его отвлечь от завоевания Святой земли.

- О, против брата Жилия Амори я ничего не могу возразить. Он умеет расположить войска и в бою храбро сражается в первых рядах. Но, скажи мне, сэра Томас, справедливо ли отнять Святую землю у Саладина, сочетающего в себе все добродетели, которые только могут совместиться в человеке, не озаренном светом истинной религии, и наделить ею Жилия Амори, который более язычник, нежели сам султан, еретик, идолопоклонник, чернокнижник, богоотступник, - наделить того, кто, как служитель сатаны, творит гнусные преступления под сокровенными сводами в тайных местах?

- Но гроссмейстеру ордена госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского нельзя поставить в вину ни раскол, ни колдовство, ни ересь?

- А его ужасная скупость и алчность, из-за которых он готов жертвовать интересами всей армии? Разве не подозревали его, и даже больше чем подозревали, в продаже неверным того, что им никогда не удалось бы завоевать

в бою? Нет, Томас, поверь мне, лучше продать всю армию венецианским лощманам, чем вверить ее гроссмейстеру Иерусалимского ордена.

– Итак, Ваше Величество, мне остается назвать вам последнего, кому можно было бы вверить судьбу нашего войска. Что скажете вы о доблестном маркизе Монсерратском, мудром и храбром воине?

– Мудрый! Не так он мудр, как хитер и лукав. Он действительно ловок в женских гостиных! Кто не знает его, всегда готового расточать любезности дамам? Как политик он так же часто меняет свои планы, как покрой своего платья, и никто никогда не может быть уверен, каких взглядов в политике он придерживается в данную минуту. Храбрый воин, говоришь ты? Да, он хорошо ездит верхом, чудесно сражается на турнирах тупым копьем. Но, скажи, был ли ты со мной, когда я однажды сказал этому ловкому маркизу: «Нас здесь трое храбрых христиан, там, в лощине, около шестидесяти сарацин; ударим по ним, согласны ли? Каждому из нас придется справиться только с двадцатью неверными».

– Помню, Ваше Величество, помню, как маркиз отвечал вам, что тело его не из глины и что лучше иметь человеческое сердце, нежели сердце зверя, хотя бы этим зверем был и сам лев. Но я вижу, нам придется закончить тем, с чего начали: пока Господь Бог не восстановит здоровья нашего короля Ричарда, не видать нам, видно, ни Иерусалима, ни Гроба Господня.

При этом замечании лицо Ричарда прояснилось, и он неудержимо залился смехом.

– Однако, – вскричал он, – несмотря на твою тупость, ты вынудил признание у своего государя! Правда, если бы ты мне не выставил напоказ всех этих нарядных кукол, готовых отнять у меня предводительский жезл, я не затронул бы их. Пусть они гордятся своими блестящими мантиями и тиарами, пусть в своем тщеславии выставляют свое величие, лишь бы они не стали помехой в моей священной цели. Ну что же, де Во, я готов признаться тебе в своей слабости и честолюбии. Быть может, в христианском стане есть много рыцарей храбрее Ричарда Английского и, быть может, благоразумнее было бы назначить вождем более достойного. Но, – продолжал монарх, привстав с постели и сбрасывая с себя одеяло, причем глаза его сверкали огнем, как будто он видел себя в пылу сражения, готовым водрузить знамя на стенах Иерусалима, – пока останется хоть капля крови в моих жилах, пока в силах будет владеть оружием моя рука, до тех пор не допущу, чтобы кто-либо другой осмелился вырвать у

меня блестящую победу... Но... слышишь ли ты? Что за трубные звуки раздаются вдали?

- Мне кажется, это трубы короля Филиппа.

- Как же ты глух, Томас, - сказал Ричард, напрягая свои силы, чтобы привстать. - Неужели ты не умеешь различать звуков? Клянусь небом, это турки подступают к стану, и я слышу их дикие крики.

Он снова попытался привстать с постели, и де Во должен был приложить все усилия, чтобы удержать его, и даже призвал на помощь двух дежурных офицеров, бывших в передней части шатра.

- Ты бесчестный изменник! - вскричал венценосный монарх, когда, выбившись из сил, в изнеможении, он вынужден был уступить силе и улечься в постель. - Как бы я желал... Как бы желал я иметь столько сил, чтобы схватить секиру и раздробить тебе череп.

- Желал бы и я, государь, чтобы вы были в силах это сделать, хотя бы это и привело к моей гибели. Весь христианский мир выиграл бы, если бы король Ричард по-прежнему стал бы здоров, хотя бы ценой жизни Томаса Малтона.

- Добрый и верный слуга мой, - сказал Ричард, протянув руку барону, которую тот почтительно поцеловал, - прости государю твоему его вспыльчивость. Это, конечно, лихорадка. Но пожалуйста, узнай, что за чужестранцы появились в лагере, и приди сказать мне. Это шум не от христианских труб.

Де Во вышел из шатра, чтобы исполнить приказание короля, думая скоро возвратиться к больному.

Он поручил офицерам, оставленным при государе, заботы о нем, угрожая им наказанием в случае какого-либо упущения. Эти угрозы могли увеличить их робость, но не сделали их более внимательными к больному - они боялись сурового, неумолимого лорда Гилсленда не меньше, чем гнева самого монарха.

Никогда не сражались Англия с Шотландией без потоков крови, орошавших наши пажити, как ручей воды, стекающий в долину.

Оттербурнское сражение

Много шотландских рыцарей присоединилось к крестоносцам, ставшим под знамена английского монарха. Будучи, как и воины этого государя, происхождения саксонского или норманнского, они разговаривали на одном языке. Некоторые из них имели поместья как в Шотландии, так и в Англии, и многих связывали узы родства и брака.

Во время царствования Эдуарда I, который разжег кровопролитные войны между Англией и Шотландией, оба народа жестоко сражались: англичане стремились покорить Шотландию, шотландцы твердо и упорно стремились отстоять свою независимость. Для нее они были готовы на любые жертвы. Хотя войны между обоими народами были частыми и кровопролитными, те и другие относились с уважением к отважному противнику, что несколько смягчало ужасы войны. Благодаря этому в мирное время оба народа могли объединиться во имя общей цели, и воины обеих земель могли вместе сражаться, как теперь, против неверных мусульман.

Открытый, прямой и воинственный характер Ричарда, который не делал различий между своими воинами и подданными Вильгельма, короля Шотландского, способствовал тому, что воины обеих земель стекались под его знамена. Однако в трудных обстоятельствах, сложившихся в долгий период его болезни, национальная ненависть снова вспыхнула среди воинов разных земель: так раскрываются застарелые раны на человеческом теле, когда оно, изможденное, поражено болезнями.

Во время перемирия, остановившего борьбу с неверными, вновь пробудились в них старые взаимные распри. Принадлежа к народу более слабому, часто чувствующему сильную руку англичан, шотландцы, гордые и ревнивые к своей славе, с болезненным самолюбием часто чувствовали себя оскорбленными. Как римские полководцы в былые времена оспаривали владычество вселенной, так и шотландцы не допускали мысли о своей подчиненности, а англичане не признавали их равенства с собой. Всюду возникали распри и доносы: воины, их начальники и рыцари, единодушно действовавшие во время сражений, смотрели

враждебно друг на друга, не сознавая, что теперь, более чем когда-либо, не только успех их предприятия, но даже личная безопасность зависит от единодушия. Несогласие царило среди всех народов: французы и англичане, немцы и итальянцы, даже датчане и шведы находили повод быть недовольными друг другом. Но их распри нас не так занимают, как вражда двух живущих на одном острове народов, владеющих родственным языком.

Из всех английских дворян, последовавших за королем в Палестину, барон де Во был враждебнее остальных настроен против шотландцев. Его поместья находились на границе с Шотландией, и всю свою жизнь он провел, воюя с соседями. Он жег их жилища, истреблял их мечом, а они платили ему тем же. Его привязанность и верность государю походила на любовь к своему господину английской собаки, которая всегда ворчит даже на тех, кому симпатизирует, и опасна для всякого подозрительного человека.

Барон де Во всегда с негодованием и ревностью смотрел на знаки отличия, которые раздавал Ричард жестокому, лживому и злонамеренному, по его мнению, народу, раскинувшему свои поселения на заречной границе, в нагорной стороне и по степным местам. Он даже сомневался в успехе Крестового похода, в котором приняли участие и шотландцы: барон де Во относился к ним почти как к сарацинам. Прямой и открытый, не привыкший скрывать малейшие проявления любви и ненависти, он не любил утонченной вежливости шотландцев в обращении, которую они заимствовали от своих постоянных союзников французов. Эту вежливость он всегда считал знаком лживости и обмана; ею, думал он, этот народ старается усыпить подозрения своих соседей, которых они не могут одолеть открытыми и законными средствами.

Хотя барон де Во и испытывал неприязнь к своим северным соседям, распространяя ее даже на шотландских крестоносцев, однако его уважение к королю, его долг и обет крестоносца не позволяли проявлять ее. Он лишь старался избегать общения со своими северными собратьями, был суров и неприступен по отношению к ним всякий раз, когда ему случалось быть вместе в походе. Бароны и шотландские рыцари замечали его презрение и платили ему тем же. Из-за такого отношения шотландцы привыкли смотреть на него как на своего непримиримого врага. Однако, хотя не было в нем мягкости и снисхождения, сердце его было открыто для сострадания ближнему, и он всегда готов был оказать ему помощь. Благодаря своему богатству Томас Гилсленд имел всегда в изобилии всякого рода припасы и часть их тайно отправлял в шотландский лагерь. Он всегда помнил драгоценный завет – творить добро

любящим и ненавидящим. Он, тайно делавший добро даже недругам своим, и думать не мог о мести и радости в связи с гибелью своих врагов. Эти черты характера сэра Гилсленда особенно важны, чтобы осмыслить последующие события.

Едва Томас де Во вышел из королевского шатра, как убедился в справедливости замечания английского монарха, которого, как знатока музыки, не мог обмануть слух, привыкший различать оттенки звуков: звуки, проникшие в палатку, действительно издавали трубы и литавры сарацин. В конце длинного ряда палаток, примыкавших к шатру Ричарда, он увидел толпу воинов, собравшихся в центре лагеря, откуда раздавалась музыка. К своему великому удивлению, он различил между разнообразными шлемами белые тюрбаны, длинные копья вооруженных сарацин, верблюдов-дромадеров с их неуклюжими шеями.

Неожиданное странное зрелище вызвало в нем сильное негодование: это означало полное отступление от правил, так как было установлено, что при сношениях с неприятелем в мирное время воины обоих народов должны сходиться в условленном месте, за определенной чертой. Барон быстро огляделся, желая выяснить причину появления сарацин в лагере.

Твердой поступью приближался к нему издали рыцарь, и по его гордому виду барон де Во заключил, что это шотландец или испанец. Через минуту он действительно убедился, что это храбрый шотландский рыцарь Спящего Барса.

Не думая останавливать его, он хотел с гордым, недовольным видом пройти мимо, желая показать, что не хочет иметь с ним никаких дел, но сэр Кеннет сам подошел к нему и обратился с холодной учтивостью:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Моя вина! Моя вина! (лат.) (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

2

Орудие из тонких железных прутьев и бечевки, которым бичуются католики.

3

В церкви небольшая пристройка со стороны южного или северного фасада, имеющая дополнительный алтарь. (Примеч. ред.)

4

Истинный крест (лат.).

5

Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу (лат.).

6

Сирийский город Аккра (у французов Saint-Jean d'Acre), древняя Птолемаида.

7

Из породы борзых, самой крупной породы.

Купить: <https://tellnovel.com/valter-skott/talisman-ili-richard-ivinoe-serdce-v-palestine-kuipit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)